

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Старуха
Кристи-
отдыхает!

Новый сериал! Новая героиня!

Татьяна Сергеева. Детектив на диете

Дарья Донцова

Старуха Кристи – отдыхает!

«ЭКСМО»

2005

Донцова Д. А.

Старуха Кристи – отдыхает! / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2005 — (Татьяна Сергеева. Детектив на диете)

ISBN 5-699-18095-8

Старуха Кристи – отдыхает! Жизнь иногда придумывает такие детективы, что даже самым крутым писателям слабо! На голову Татьяны Сергеевой в одночасье обрушился водопад несчастий. Внезапно умер муж, она осталась без работы, сгорела квартира, в кошелке лежат последние сто рублей. Казалось бы, хуже некуда! Что делать бедной закомплексованной толстушке? От отчаянья она нанимается помощником частного детектива к проворному старичку по имени Гри. Стоически перенесла несколько покушений на свою жизнь и здоровье, Татьяна понимает, что черная полоса закончилась, а старичок еще ого-го-го!!!

ISBN 5-699-18095-8

© Донцова Д. А., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дарья Донцова

Старуха Кристи – отдыхает!

Глава 1

Когда не ожидаешь от жизни ничего хорошего, плохое не заставляет себя ждать. В последнее время мне жутко, просто катастрофически, не везло. Фирма, в которой я в должности «принеси-подай» благополучно проработала целых полгода, накрылась медным тазом. Сотрудников выставили на улицу, посоветовав им обратиться на биржу труда. Я покорно пошла туда и налетела на противную тетку, которая, поджав губы, сказала:

– Вам лучше переучиться.

– На кого? – оторопела я. – Моя специальность чем плоха? Учительница русского языка и литературы.

– Всем хороша, кроме одного, – фыркнула служащая, – филологов, как собак нерезаных. И потом, вы же не хотите идти в школу?

– Нет, – быстро сказала я, – ни за что.

– Могу отправить вас на курсы пекарей, – мрачно завершила баба.

– Вы с ума сошли, – возмутилась я, но потом на всякий случай добавила: – У меня аллергия на муку.

– Понятно, – протянула тетка и стала оформлять бумаги на получение пособия.

С тех пор прошло немало дней, небольшая сумма подачи уменьшалась от месяца к месяцу и в конце концов стала равна нулю. Правда, на бирже давали направления, но каждый раз, когда я являлась в отдел кадров, выяснялось, что место занято, либо требуется человек, безукоризненно владеющий английским, или нужна суперсотрудница, ловко управляющаяся одновременно с компьютером, факсом, телефоном и умеющая водить машину. А я самая обычная женщина, аккуратная, вежливая, способная выполнять поручения начальства, но и только. Может, кому-то и нужна именно такая, но мне просто не везло. Есть еще одна маленькая деталь: при росте метр шестьдесят пять я вешу девяносто килограммов, и некоторые работодатели отказывались от моих услуг, едва завидев мою корпулентную фигуру.

В особенности обидно было сегодня. Пришлось ехать к девяти утра через весь город на какую-то богом забытую фабрику, производившую то ли пластиковые тапки, то ли алюминиевые миски. Кадровиком там оказалась баба с маленькой змеиной головой. Стоило мне войти в кабинет и заявить:

– Здравствуйте, мне сказали, что вам нужна секретарша, – как «кобра» распушила «капюшон»:

– Все, все, взяли уже...

Я вышла в коридор и с горя отправилась в туалет, но не успела закрыться в кабинке, как раздался бодрый стук каблучков, затем голос:

– Ну что, Катя, мы найдем секретаря когда-нибудь?

– Так сегодня должна подойти одна, Вероника Николаевна, с биржи труда присылают, – ответила другая женщина.

– Уже была, – заявила начальница, – отвратительная корова. Килограммов сто пятьдесят небось весит. Я ее, естественно, тут же бортанула. Представь подобное чудовище в приемной. Ужасно, так разожраться, и ведь, похоже, она еще молодая.

Глотая слезы, я подождала, пока противные тетки уйдут, вышла из кабинки и встала перед зеркалом. Оно бесстрастно отразило круглую, похожую на яблоко, фигуру. И вовсе я не вешу сто пятьдесят килограммов, а всего девяносто, и потом, у меня красивые темные,

вьющиеся волосы, большие карие глаза, аккуратный носик и изумительный рот, а над верхней губой есть маленькая родинка. Мише, моему мужу, она очень нравилась.

– Нет, – быстро сказала я сама себе, – только никаких воспоминаний об умершем муже.

Но слезы подкатили к глазам и хлынули по щекам, пришлось долго умываться, потом заново краситься. Наконец я смогла выйти в коридор, и тут произошло нечто, выбившее меня окончательно из колеи. Не успела я сделать и двух шагов, как в другом конце коридора показалась живописная группа. Впереди шла дама чудовищной толщины, просто бочка сала, упакованная в кожаный костюм нежно-розового цвета, в ушах незнакомки искрились бриллиантовые серьги, пальчиками, унизанными кольцами, она цепко держала роскошную сумку из кожи крокодила, в тон ей были и туфельки. За посетительницей, почтительно кланяясь, шла кадровичка, та самая, со змеиной головой.

– Ах, ах, – приговаривала она, – милая Ольга Сергеевна, какая радость! Вы сегодня ослепительно выглядите! Просто хорошеете с каждым днем!

Толстуха, ничего не отвечая, сопя, двигалась вперед, когда она поравнялась со мной, я уловила тонкий аромат дорогих духов. Едва парочка скрылась за поворотом, я не удержалась и спросила у охранника:

– Кто эта бегемотиха?

Секьюрити хмыкнул:

– Осторожней языком мели, Ольга Сергеевна жена нашего хозяина. Фабрика принадлежит Леониду Михайловичу Герасимову, да чего там наше убогое производство, у него полрайона в руках.

Я пошла к выходу, на душе было гадко. Вот оно как! Лучший макияж женщины – ее толстый кошелек. Ольга Сергеевна выглядела ожившим мавзолеем, но тем не менее всем нравилась...

Я не сумела сдержать приступ отчаянья, и слезы вновь потекли по щекам.

Пухленькой я была всегда, пять «плавающих» туда-сюда килограммов погоды не делали. Меня с детства дразнили «жиртрест», «промсарделька», «свинокомбинат», а еще добрые знакомые уверяли, что выйти замуж девушке с пышной фигурой просто невозможно. Наверное, поэтому я долго ходила в невестах, особо не надеясь оказаться под венцом. Но потом господь послал мне Мишу, и целых два года я была невероятно счастлива, пока мой муж не скончался от какой-то непонятной болезни, врачи так и не сумели установить, что за зараза извела Мишу, и в конце концов объявили его онкологическим больным, стали усиленно лечить, но... не спасли. Мы с Этти, моей свекровью, остались одни. Вот уж кто никогда не дразнил меня и всегда хвалил, так это Этти, пожалуй, она единственная моя подруга, помогает не только морально, но и материально. Я ни разу не слышала от Этти слов типа: «Вот новая диета, не хочешь ли попробовать?» – а после ее ухода в моем кошельке всегда оказывается круглая сумма.

Поверьте, мне стыдно брать деньги у Этти, но пока другого выхода нет, никак не могу найти работу, вот сегодня снова «пролетела».

Тяжело дыша, я добралась к выходу, вышла на улицу и чуть не задохнулась от жары. Похоже, погода окончательно взбесилась, на календаре начало мая, а над городом плывет душное марево. По спине потек пот, из-за некоторых особенностей фигуры я не могу нацепить сарафанчик на тонких лямочках, приходится таскать закрытую кофту. И вот парадокс, чем жарче на улице, тем сильнее хочется есть, может, пойти к ларьку, который стоит на противоположной стороне дороги, и купить шаурму? Но в кармане всего сто рублей, их надо экономить! Рот наполнился слюной, желудок начал ныть... Решительным шагом я двинулась через проезжую часть, черт с ней, с бережливостью, ну пролежит купюра целой до завтра, и что? Ее номинал увеличится вдвое? Вовсе нет, сто рублей никак не превратятся в двести. Лучше съем шаурму, сяду вон там на лавочке, а потом спокойно подумаю...

Пронзительный взвизг тормозов заставил меня вздрогнуть, я обернулась. Чуть не задев меня сверкающим крылом, мимо пронеслась роскошная иномарка, я не слишком разбираюсь в моделях, для меня все машины на одно лицо, вернее, на один капот.

Сердито крикая, тачка исчезла за поворотом, перед глазами снова открылся вид на дорогу, и я заорала:

– Боже! Вы живы?

Чуть поодаль на пыльном асфальте лежал на спине мужчина. Я бросилась к сбитому человеку.

– Вызвать врача? Милицию?

Жертва наезда медленно села, и я поняла, что дядьке много лет, на голове топорщатся седые волосы, почти белая борода и усы закрывают нижнюю часть лица, вокруг глаз и на лбу сплошные морщины, кожа усеяна пигментными пятнами. Дедушке лет семьдесят, если не больше.

– Не блажи, – приятным, совсем не дребезжащим голосом велел он, – чего визжишь?

– Но вас же машина сбила?!

– Нет, я просто упал, – закричал старичок, – жарко очень, давление подскочило, голова закружилась, ну и мотнуло меня в сторону. Хочешь помочь, палку подай.

– Где она?

– Вон валяется.

Я принесла деду тросточку, тот оперся на нее и бойко встал. Ростом пострадавший оказался с меня, а вот весу в нем было намного меньше. Жилистый, сухонький старичок, наверное, следит за собой, может, даже ходит в спортзал.

– Ну, чего уставилась? – сердито спросил он. – Не цирк, вали куда шла.

– А куда, – неожиданно выпалила я.

– Ну и ладно, – отрезал дедуля, – прощай, нечего на меня глазеть, свалился, эка невидаль.

Внезапно мне стало так обидно, что и не передать словами. Ну почему люди столь неприступны? Неужели из-за моего веса? На предприятии отказали, даже не предоставив испытательный срок, а дедушка, которому я бросилась помочь, нахамил мне от души. Неожиданно по щекам снова потекли слезы. Обозлившись на себя, я резко повернулась и собралась продолжить путь, но неожиданно есть расхотелось, чувство обиды на весь мир отбило голод.

– Эй, Дюймовочка, стой, – крикнул дед.

Я обернулась.

– Вы меня?

– Да, пошли, кофе угощу, вон там, на веранде.

– Спасибо, не хочу, – с достоинством ответила я и попыталась справиться с отчего-то усилившимся потоком слез.

Дедушка в два прыжка оказался рядом.

– Не дуйся, чего реवेशь? Глупо я пошутил, про Дюймовочку.

– Ничего, я уже привыкла к насмешкам.

– Хорош ныть, пошли пирожные есть! – рявкнул старичок, потом крепко вцепился в мое плечо и поволок к уличному кафе. У пенсионера оказались просто стальные руки.

Сев за столик, дед заказал коньяк и влил в мою чашку с кофе малую его толику, я глотнула «коктейль», зарыдала еще сильнее и совершенно неожиданно выложила старичку все: про неожиданную смерть мужа, полное отсутствие средств к существованию, невозможность устроиться на хорошее место работы... Дед слушал молча, потом крикнул и резко спросил:

– На любую службу пойдешь?

– Ага, – кивнула я, – полы мыть, мусор вытряхивать, собак прогуливать, кошек стричь, на все согласна.

– Оклад какой хочешь?

– Ну... неважно, – не поняла я, куда клонит дед.

Старик взял салфетку, написал на ней цифру и сунул мне.

– Столько хватит?

– Ой, – вырвалось у меня, – так много? А кем работать? И что потребуют за такие деньги? Если интим, то я не могу.

– Господи, – закатил глаза старичок, – кому ты нужна! В зеркало давно смотрелась? Сама квашня, на голове мочалка, морда не пойми какая, ногти обломаны.

Я хотела было привычно обидеться, но отчего-то не сумела и неожиданно для себя улыбнулась.

– Ну и кому же такая красота понадобится?

– Мне, – прищурился дедок, – секретаря ишу, помощницу. Красотки поперек горла встали. Только наймешь длинноногую да стройную, мигом замуж выскакивает или на шею вешается.

– Вам? – весьма невежливо вырвалось у меня.

– А что? – приосанился дедулька. – Я еще ого-го какой, но не о том речь. Тебе нужна работа, а мне тетка страшной атомной войны, с нормальной речью, без семьи, чтоб вся работе отдавалась, любовников не заводила и начальника к себе в койку не тащила. Честная особа, не воровка. По-моему, мы нашли друг друга.

– Но мы совсем незнакомы, – пролепетала я.

– Ниче, какие наши годы, – радостно возвестил дед, – впрочем, у тебя на лбу характер написан: тетеха, но чужого не возьмет. И чем мы рискуем? Месяц поработаешь, а там видно станет, продлим контракт или как. Согласна?

– Да, – ошарашенно кивнула я, сраженная наглой напористостью старичка.

– Супер! – воскликнул дедуся. – Итак, как тебя зовут?

– Таня, Татьяна Ивановна Сергеева.

– Редкое имя, – кивнул дед, – ну а я Григорий Семенович Рыбаконь, фамилия такая, Рыбаконь, ничего смешного в ней нет. Именно Рыбаконь. Ясно?

– Да, – кивнула я.

– Будешь звать меня Гри, – велел дедок, – отчество ненавижу, усекла? Теперь слушай. Я – частный детектив.

– Кто?

– Сыщик, которого люди нанимают для решения деликатных проблем, – спокойно начал объяснять Гри, – работаю я давно, уже больше десяти лет, и сейчас занимаюсь одним интересным делом. Кстати, ты детективы читаешь?

– Нет, – воскликнула я, – только классику, а лучше поэзию. Криминальные романы пишут для определенной, весьма недалекой категории людей, примитивных личностей, а у меня высшее образование, педвуз за плечами, стыдно подобные книжонки в руки брать.

Гри крикнул, погладил бороду и продолжил:

– Ладно, ситуация такова. Пришла недавно в мою контору девушка, Настя Завьялова, и сказала, что ее родная сестра Аня, очень близкий человек, покончила с собой. У милиции никаких сомнений не возникло, девица выпила стакан персикового йогурта, в котором растворила большое количество снотворного. Момент Аня выбрала самый подходящий, Настя в тот день решила остаться на ночь у своего бойфренда, поэтому младшую сестричку она обнаружила лишь вечером следующего дня. Сразу после бурной ночи Анастасия поехала на работу, домой заглядывать не стала, за что ругает себя сейчас нещадно. Только ничего исправить уже нельзя, Аня умерла. Ясно?

– Нет, – мотнула я головой.

– Продолжаю, – сказал Гри, – обрисовываю ситуацию. В квартире никого, кроме Ани, не было, ни Настя, ни милиция следов постороннего человека не нашли. Все стоит на своих

местах. На стакане отпечатки пальцев умершей девушки, на столе записка, просто классика жанра: «В моей смерти прошу никого не винить», почерк Ани, доказано стопроцентно. За пару дней до самоубийства девушку бросил возлюбленный, некто Никита Дорофеев, Аня очень переживала. В общем, дело закрыли, слишком оно прозрачное, любовь-морковь и дурочка, решившая свести счеты с жизнью.

– Может, она его и правда любила, – тихо сказала я.

– Ерунда, – рявкнул Гри, – эка печаль, мужик ушел, плюнь и забудь. А ты, лапа, не перебивай, слушай внимательно. Позавчера Настя прибежала ко мне и сообщила: «Аню убили, но в милиции дело снова открывать не хотят, найдите преступника, я заплачу вам любые деньги!»

Гри сначала попытался вразумить девицу, но, когда та выложила свои подозрения, призадумался. Доводы Насти показались ему убедительными. Во-первых, похоронив сестру и успокоившись, Настенька стала размышлять. Ее связывала с Аней нежная дружба, а сестра ничего не говорила ей о суицидальных планах, более того, когда Настя уходила, Аня поцеловала ее и сказала:

– У меня для тебя сюрприз.

– Какой? – заинтересовалась сестра.

– Завтра расскажу, – хитро прищурилась Аня.

– Хороший или плохой? – настаивала Настя.

– Замечательный, – рассмеялась Аня, – но все потом.

«Потом» не наступило, Анечка отравилась, и навряд ли это было той самой замечательной новостью, обещанной для сестры. Еще Аня не любила персиковый йогурт, и было очень странно, почему именно его она предпочла для растворения лекарства. Но в принципе все можно объяснить. Напиток из персика обожает Настя, больше в холодильнике еды не было, вот Ане и пришлось воспользоваться этим йогуртом. Замечательной новостью, наверное, было предложенное ей повышение по работе, об этом со слезами на глазах Насте рассказали коллеги Ани на поминках. Оставалось неясным, отчего девушка вдруг надумала свести счеты с жизнью, ужасно, конечно, что она была дома одна... И тут Настю будто стукнуло по голове. Она очень хорошо вспомнила, как, обнаружив тело сестры, закричала, бросилась вызывать милицию и почему-то «Скорую помощь», а затем кинулась в туалет. У Насти больной желудок, и на любой стресс он реагирует всегда одинаково: девушку, простите, конечно, за подробность, прошибает понос.

Настя уселась на унитаз и тут же вскочила, деревянный круг был поднят, и она плюхнулась непосредственно на холодный фаянс.

Потом приехали представители правоохранительных органов, и пошла суета. Похороны, поминки... Лишь спустя несколько дней в голове Насти вспыхнуло воспоминание о холодном унитазе, и она спросила себя:

– А кто поднял круг?

Имейся в доме мужчина, Настя бы и не озаботилась такой проблемой, всем известно, что мужчины, подняв стульчак, ни за что не вернут его на место, это одна из основных тем скандалов во многих семьях. Но Настя и Аня жили вдвоем, они никогда не поднимали круг. Значит, в квартире все же находилось лицо противоположного пола, хитрый убийца, который тщательно спрятал следы своего пребывания, каким-то образом заставил Аню написать записку, угостил ее «коктейлем» и ушел. Но идеальное преступление совершить трудно, негодяй забыл про круг, милиция не заметила его оплошности, что и понятно, следственная бригада состояла из одних мужиков. Настя назвала и имя предполагаемого преступника: Никита Дорофеев, любовник Ани, единственный, кого она впускала в дом безо всякой опаски.

– Знаю, как дело было, – шмыгала носом Настя, – Никита бросил Аньку из-за богатой, родители нашли ему невесту при денежном папе, вот он к ней и переметнулся. Аня сначала переживала, а потом позвонила Дорофееву и устроила скандал.

– Ты мерзавец, – кричала она в трубку, – подонок! Вот позвоню твоей новой пассии, а еще лучше ее папеньке и все ему выложу! Про что, сам знаешь! А! Испугался! Вот-вот, лучше тебе назад ко мне вернуться!

– И что ты про него знаешь? – полюбопытствовала Настя.

– Дерьмо всякое, – отмахнулась Аня, – потом как-нибудь расскажу, сейчас не хочется, слишком противно!

Сложив вместе все факты, Настя отправилась в милицию, но там от нее вежливо отделились, сказав:

– Дело ясное, и оно закрыто.

Но Настя не успокоилась, ей очень хочется наказать убийцу сестры, знакомые подсказали девушке адрес Гри, и Завьялова обратилась к частному детективу.

– Теперь докумекала? – поинтересовался Гри и допил из чашки кофе. – Ну и гадость тут варят, прямо скрючило всего.

– В принципе да, – осторожно ответила я, – но что мне делать надо?

Гри грохнул фарфоровую емкость на блюдце.

– С Никитой поболтать.

– Мне?

– Да. Парня выгоняют из МГУ, у него куча прогулов, к сессии молодца не допускают. Он испугался и начал искать кого-то, кто ему поможет, вот ты и явишься к нему под видом дамы из ректората, которая готова за некоторую мзду купировать беды Дорофеева.

– Я?

– Ну не я же!

– А почему не вы?

– Вот дура! Не похож я на сотрудника ректората, да еще и мужчина, не вызову к себе расположения, а ты что надо, толстая, уютная, не шикарно одетая, типичная чиновница-бюджетница. Значит, так, поедешь к Дорофееву домой, вот адрес, скажешь, что способна решить его проблемы, но тебе нужен точный список Никитиных прогулов. Он начнет называть даты, а ты дотошно выясняй, где он был в такой день, в другой...

– Зачем?

– Если он такой вопрос задаст, нахмурься и рывкни: хочешь дальше учиться – отвечай, мне справки делать, неохота в неприятность вляпаться, напишу – лежал в больнице, а тебя в кафе видели. И особенно обрати внимание на 28 апреля, день смерти Ани, по минутам все выясни.

– Вдруг он меня заподозрит?

– В чем?

– Ну... скажем, что не видел меня в ректорате.

– Дура! В МГУ куча факультетов, студенты в ректорат не ходят, максимум в деканат заглядывают.

– Но у нас в вузе...

– Ты в помойке училась, а это МГУ! Работа тебе нужна?

– Да, очень.

– А деньги?

– Тоже.

– Хорошо, вот адрес Никиты. Езжай туда, он дома, ждет сотрудницу ректората, я уже все организовал, только кандидатуры на эту роль не было. Допросишь его и уходи, спокойно пообещав ему: дело в шляпе. Мобильный имеешь?

– Да.

– А говоришь, плохо живешь!

– Самый дешевый тариф, и за него Этти платит.

– Этти-шметти, – выхватил у меня из рук телефон Гри, – это мой номер, включен всегда, вот визитка. Жду потом с отчетом. Кстати, держи тысячу рублей.

– Зачем? – спросила я, разглядывая карточку, на которой были фамилия и телефон.

– На расходы, шевелись, Дюймовочка, – гаркнул Гри, – не спи, замерзнешь.

Дверь в квартиру Никиты никто не открывал, я перестала звонить, решила постучать, ударила кулаком по створке, а та неожиданно открылась.

– Никита, – позвала я, входя в пахнущую одеколоном прихожую, – это Татьяна Ивановна, из ректората. Вы дома? Никита!

Парень не отвечал, но из противоположного конца коридора доносилась музыка. Решив, что юноша просто не услышал звонка и моего крика, я, мысленно обозвав хозяина разгильдяем, дошла до двери, из которой лились звуки, увидела юношу, сидевшего на стуле спиной ко мне, и вздохнула. Конечно, разгильдяй, кто ж еще? На подоконнике орет радио, на столике работает телевизор, правда, без звука, весь текст подается прямо в голову хозяина, на Никите наушники, ясно теперь, почему он не отреагировал на мои шаги.

Я обошла стул, посмотрела на парня, хотела сказать: «Никита! Снимите наушники, к вам пришли из ректората».

Но слова замерли в горле. Рот парня был приоткрыт, глаза бездумно смотрели в окно, язык, жуткий, страшный, вывалился наружу...

Др-р-р, – ожил мой мобильный.

Словно под гипнозом я вытащила трубку, в ухо ворвался веселый голос Этти:

– Как дела?

– Сейчас не могу говорить, – прошептала я, невольно оглядывая стол, – давай попозже позвоню, а? Я на собеседовании нахожусь.

Что ответить на вопрос Этти? Что нашла работу невесть у кого и теперь стою возле трупа? Трупа? Ой, мама, надо срочно бежать отсюда!

Глава 2

Еле дыша, я дочапала до метро, оглядываясь на каждом шагу. В паре метров от входа в подземку виднелось небольшое кафе, я, забыв о необходимости экономить, вошла внутрь, схватила валявшееся на столе меню и изучила цены. «Салат „Цезарь“» – 75 руб., «Овощная фантазия» – 40 руб. Вполне можно позволить себе порцию.

– Слушаю вас, – ласково прошептала хорошенькая тоненькая, словно зубочистка, официантка.

– Что входит в салат «Цезарь»? – деловито осведомилась я.

– Куриное филе, сухарики, листья салата и майонез.

– А в «Овощную фантазию»?

– Ясное дело, всякие овощи: помидоры, огурцы, редис и майонез.

Я вздохнула, ну майонез-то никак нельзя отнести к овощам, это соус. Впрочем, салатами не наешься! В тарелке небось окажется одна лопушистая зелень. Кстати, вот тут возле названия блюда стоят цифры: 10-250-5-30.

– Простите, – снова обратилась я к официантке, – я не совсем разобралась, что означает эта строчка? Вроде цена «Цезаря» семьдесят пять рублей.

подавальщица с нескрываемым презрением глянула на меня.

– У нас не дерьмовая забегаловка, – тоном вдовствующей императрицы заявила она, – вы пришли в заведение ресторанного типа, и меню у нас оформлено по правилам. Это вес.

– Чего?

– Порции.

– Простите, не понимаю.

Девчонка закатила накрашенные глазки.

– Десять – это количество сухариков.

– Штук?

– Граммов! Двести пятьдесят – салат «Айсберг», тридцать – майонез, а пять – куриное филе!

Я почесала кончик носа. Да уж, не пожалели курочки! Нет, салат брать не стану, потрачу деньги и уйду голодной!

– Берите «Цезарь», – неожиданно приветливо сказала официантка, – от него не потолстеете, никаких калорий нет.

Кровь бросилась мне в голову, и эта наглая девчонка туда же! Ну отчего все вокруг считают, что мне надо худеть? Между прочим, мода на «грабли» появилась лишь в начале 60-х годов двадцатого века, до этого женщины выглядели иначе. Посмотрите картины великих фламандцев или фотографии кинозвезд сороковых лет двадцатого века. Я просто родилась не в то время, но это еще не повод постоянно тюкать меня. А ведь сколько помню себя, со всех сторон неслись возгласы:

– Тебе следует сбросить вес.

Только Миша и Этти никогда не попрекали меня толщиной.

Муж всегда повторял:

– Танюшечка, ты мне нравишься в любом виде.

– Ну, выбрали? – воскликнула официантка. – Поторопитесь, а то люди пришли, тоже заказ сделать хотят.

Обида просто распирала меня. «Люди пришли». А я кто? Обезьяна? Между прочим, я появилась в этом кафе первой. Наверное, надо встать и, произнеся: «В вашей забегаловке отвратительный выбор», с гордо поднятой головой удалиться прочь.

И достоинство сохраняю, и деньги не потрачу, ведь сто рублей последние. Желудок свело, голова закружилась, перед глазами запрыгали серые мушки.

– Принесите кофе со сливками и два пирога с мясом, – велела я, произведя в уме необходимые расчеты.

Мой организм устроен самым диковинным образом: если я попадаю в стрессовую ситуацию, то моментально испытываю приступ голода, могу даже упасть в обморок, если немедленно не поем как следует. В моем случае потребление еды не обжорство, а лечение, я не слишком здоровый человек, очень слабый физически, мне надо постоянно подкреплять свои силы.

Официантка повернулась, вилля задом, пошла в сторону кухни. Я порылась в сумке, нашла визитку Гри, вытащила мобильный. Конечно, денег на счету кот наплакал, я пользуюсь сотовым лишь в крайнем случае, но, похоже, сейчас он настал. Следует немедленно сообщить Гри об ужасной ситуации, в которой я оказалась по его вине. Ну зачем я согласилась на идиотское предложение? Где была моя голова? Оправдывает мой поступок лишь одно: я настолько расстроилась, услышав очередной отказ от работодателя, что потеряла способность соображать. Нет, служба в качестве подручной частного детектива мне совсем не по душе!

– Алло, – прочирикало из трубки.

Я удивилась, вроде Гри говорил, что это его личный номер. С другой стороны, может, он дал мне домашний телефон и сейчас на том конце провода внучка бойкого деда.

– Добрый день, позовите Григория Семеновича.

– Вы ошиблись.

Я вздохнула, неудачи сегодня просто льются мне на голову, ладно, повторю попытку.

– Алло, – защебетал тот же голосок.

Я быстро нажала на красную кнопку, надо попробовать еще раз.

– Алло, слушаю, да говорите же!

– Простите, можно Григория Семеновича.

– Сказала же – вы ошиблись.

– Ой, не вешайте трубку. Я сейчас набрала номер семьсот девяносто...

Услышав цифры, девица вяло ответила:

– Ну?

– Это мобильный?

– Да, мой личный!

– Он у вас давно?

– Я вовсе не собираюсь болтать с вами.

– Извините, но мне дали визитку с этим номером.

– Опечатка, я уже год как приобрела телефончик.

– Значит, Григория Семеновича нет? – тупо повторяла я.

– Может, где и есть, но не по этому номеру.

– Вы не знаете господина Рыбаконя?

Девушка захихикала.

– Кого?

– Григория Семеновича Рыбаконя, вообще-то он представляется как Гри.

– Не-а, – откровенно развеселилась собеседница, – ни Рыбаконь, ни Котопес, ни Жирафослон мне не знакомы. Больше не трезвоньте.

Я положила трубку на столик. Ну и ну, неужели на визитке опечатка? Впрочем, случается и такое, но мне что делать?

– Еще чего желаете? – взвизгнула подкраившаяся незаметно официантка.

Я вздрогнула.

– Нет, спасибо, несите счет.

подавальщица протянула кожаную папочку.

– Во.

Я раскрыла обложку. «Кофе – 20 руб., пирожки с мясом, 2 шт. – 30 р. Итого: 50».

Выудив из кошелька последнюю сотню, я протянула ее халдейке.

– Держите.

– Ща сдачу принесу, – протянула нахалка, но осталась стоять у столика.

Наверное, она ожидала услышать от меня: «Спасибо, не надо, оставьте ее себе», но я категорически не понимаю, по какой причине нужно давать официантам деньги просто так. Они что, не получают зарплату? Или очень перетрудились, нося из кухни до столика чашку с кофе? Между прочим, мне никто не давал на чай, а уж поверьте, труд учительницы просто адский. Попробуйте сами вдолбить в головы тупых школяров понятие о великой литературе, о Пушкине, Лермонтове, Достоевском. Ты пытаешься вложить в них знания, а они словно через дырявое сито вываливаются наружу. Впрочем, немудрено, нельзя насыпать десять килограммов сахара в мешок, уже до отказа набитый солью. У ребят, спавших на моих уроках, голова была занята Бэтменом, Человеком-пауком, мультиками про Симпсонов, на великую русскую литературу места не осталось. Впрочем, дети – это не худшее, с чем учитель сталкивается в школе, есть еще родители, квохчущие бабушки, истерические мамы и совершенно невоспитанные отцы, считающие своих чад гениальными. У себя дома эти люди ругаются матом, вытирают нос рукавом, грызут семечки, выплевывая шелуху на пол, но при этом они желают, чтобы школа сделала из их деточек лордов Фаунтлеров и маленьких герцогинь. Коли ребенок пишет «карова» и употребляет известное слово на букву «б» постоянно в качестве артикля, то в этом виновата я, не научила крошку хорошим манерам. Мне хватило полугода, чтобы сообщить: карьера Макаренко меня не вдохновляет! Впрочем, начав работу секретарем, я тут же поняла, что и она не приносит никакого удовлетворения, тупая, нудная служба.

– Держите, – рявкнула официантка.

Я уставилась на грудку мятых и липких бумажек.

– Простите, это что?

– Сдача.

Ну и ну! Я дала девчонке сотню и что получила назад! Надо указать ей на ошибку, но я не успела открыть рот.

– Вы дали тысячу, – загундосила подавальщица.

– Сколько?

– Штуку! – рявкнула нахалка. – Наели на пятьдесят, пришлось из-за вас в ларек бегать! Во народ! Ясное ж дело, если жрешь на две копейки, держи мелочь!

Продолжая злиться, нимфа в форме отправилась к соседнему столику, я потрясла головой, потом взяла кошелек и ахнула. В одном из отделений лежит розовая сотенная купюра. Откуда тысяча? Гри! Он же дал мне ассигнацию на расходы! И что теперь делать?

Я схватила со стола салфетку и принялась нервно рвать ее на мелкие кусочки. На визитке указан неправильный номер. Либо в типографии допустили опечатку, либо Гри поменял телефон и забыл внести изменения. Адреса на данной мне карточке нет. Найти господина Рыбаконя практически невозможно, мне следует быстро ехать домой и никому, даже Этти, не рассказывать о произошедшем. Наверное, я бы так и поступила, но вот тысяча рублей! Можете считать меня идиоткой, только я не способна присвоить чужие деньги, тем более такую большую сумму. Во что бы то ни стало нужно отыскать Гри! Ага, легко сказать! Я полезла за сигаретами, сумка у меня страшная, она больше похожа на торбу из кожи, никакой красоты в ней нет, к тому же ее украшают потертости. Только не надо сейчас говорить о новомодных тенденциях, в угоду которым кутюрье рвут отличные изделия, дабы придать им вид одежды убогого бомжа. Измученная руками дизайнера шмотка и сумка, еле дышащая от старости, это совершенно разные вещи. Мне давно следует приобрести новый ридикюль, но я абсолютно не способна выкинуть уродскую торбищу, потому что она – последний подарок, полученный

от Миши. Хотя справедливости ради следует признать: мешок жутко неудобный, в нем все исчезает безвозвратно. Ну вот куда подевалось курево? Господи, вдруг я потеряла пачку? Вот беда, она совсем полная, я выкурила только три сигареты и надеялась, что еще два дня могу не беспокоиться о покупке новой. Ну почему мне так отчаянно не везет? Чем я прогневала своего ангела-хранителя? Отчего он бросил бедную Таню в одиночестве плавать в житейском море? Может, тот, кому велено опекать меня, лентяй, лег в тени райского дерева и спит в холодке!

Внезапно пальцы нащупали нечто довольно длинное, гладкое. Слегка удивившись, я вытащила загадочный предмет и обомлела: я держу портмоне, явно мужское, из дорогой кожи. Находясь в состоянии крайнего изумления, я раскрыла его и подпрыгнула на неудобном стуле. В одном отделении лежали три зеленые бумажки, в другом несколько тысячных российских купюр. Каким образом это богатство оказалось в моей сумке?

И тут память услужливо подсунила картину. Вот мы входим в кафе, Гри бодро бежит впереди. Он подсказывает к столику, плюхается на свободное место, бросает свою небольшую сумочку на стоящий рядом стул и велит:

– Живо садись.

Я робко устраиваюсь напротив и ставлю свою, как всегда, открытую торбу на пол у стула. Через некоторое время Гри вытаскивает из своей барсетки портмоне, то самое, что я сейчас держу в руках, вручает мне тысячу и... и... не глядя швыряет кошелек на стул. Наверное, он полагал, что портмоне угодит в распахнутую барсетку, но оно шлепнулось мимо стула, ровнехонько в мою торбу!

Я покрылась потом, вот черт, положение становится все хуже и хуже. Конечно, очень неприлично копаться в чужих вещах, но альтернативы нет. Вполне вероятно, что сейчас я найду в бесчисленных отделениях кучу всяких бумажек, подсказывающих адрес Гри. Кстати, почему портмоне такое твердое? Похоже, в нем лежит картонка, нет, это нечто иное... паспорт!

Я вцепилась в бордовую книжечку, раскрыла ее и с горьким разочарованием отметила: она не принадлежит Гри.

С фотографии на меня смотрел смазливый парень, я не люблю писаных красавцев, они самоуверенны, хамоваты и отчего-то считают, что женщины всего мира обязаны падать перед ними ниц. А некий Аристарх Иванович Бабушкин был настолько красив, что даже на паспортном фото смотрелся великолепно: мужественное лицо с твердым подбородком, аккуратный нос, ясные, большие глаза, брови, разлетающиеся к вискам, четко очерченные губы и картинно выющиеся волосы. В общем, хорош, словно реклама одеколона или сигарет, не юноша, а пряник, кусочек патоки, съешь такой и станешь маяться изжогой. Со всех сторон Аполлон, жаль, фамилия подгуляла – Бабушкин, и о чем, интересно, думали его родители! Назвать сыночка Аристархом! С ума сойти!

Я начала ворошить странички паспорта, ага, вот и адрес! Живет красавчик в Крылатском, отличном зеленом районе. И что делать?

Я встала, схватила торбу и пошла к метро. Уж не знаю, каким образом удостоверение Бабушкина оказалось у Гри, только, наверное, Аристарх знает координаты деда с очаровательной фамилией Рыбаконь.

Глава 3

Многэтажная блочная башня, стоявшая недалеко от метро «Молодежная», мало чем отличалась от окружавших ее сестер. Консьержки в подъезде не нашлось, почтовые ящики тут были разрисованы неприличными рисунками, зато у лифта висел листок бумаги, изучив который гости легко узнавали, на каком этаже находится нужная им квартира. Мне предстояло подняться на восьмой.

Палец ткнул в звонок, дверь незамедлительно распахнулась, на пороге появился мужчина, я мгновенно узнала его, в жизни Аристарх оказался невелик ростом, чуть выше меня, зато лицо его было еще красивее.

– Это кто? – растерянно вытаращил он глаза. – Ох и ни фиги себе! Я никого в гости не звал!

Не понимая, чем столь удивила хозяина, я спокойно сказала:

– Меня зовут Таня Сергеева, а вас Аристарх Иванович Бабушкин?

Глаза красавчика, словно нашкодившие котят, забегали в разные стороны.

– Ну... в общем... да! А как вы узнали?

– Что? Ваше имя?

– Ага.

Я вынула его паспорт.

– Вот.

Лицо Бабушкина пошло пятнами.

– Ничего не понимаю, – выдавил он из себя.

– Если разрешите войти, то я постараюсь все объяснить.

Аристарх заколебался.

– Впрочем, – усмехнулась я, – коли боитесь женщин, можно и на лестнице потолковать.

Бабушкин скривил слишком красивые губы.

– Я и не думал пугаться пожилой женщины.

– Какой? – с негодованием воскликнула я.

– Проходи на кухню, налево по коридору, – протянул хозяин.

Мне понадобилось около получаса, чтобы более или менее ввести мачо в курс дела. Естественно, я не стала сообщать ему деталей, ни словом не обмолвилась о трупке Никиты Дорофеева, просто сказала:

– Гри предложил мне работать у него секретарем, но, поразмыслив, я решила: служба мне не по плечу...

Аристарх спокойно выслушал меня, потом скривился:

– Так чего ты приперлась?

– Вы, наверное, знаете Григория Семеновича?

– Ну.

– Дайте мне его координаты.

– За каким чертом?

– Деньги отдать хочу.

– Возьми их себе.

– Это невозможно.

– Почему?

– Они чужие.

– Ерунда.

– Вовсе нет.

– Прихватывай штуку и радуйся заработку, я понял, что лавэ тебе очень нужны.

– Кто? – не поняла я слово. – Лаваш?

– Лавэ, – противно захихикал Аристарх, – бабки, хрусты, капуста, они же денежки. Уматывай.

– Вы правы, – холодно ответила я, – я крайне нуждаюсь, но только в честно заработанных средствах, чужого мне не надо.

– Умереть – не встать, – хлопнул себя по бедрам, обтянутым потертыми джинсами, Бабушкин, – ты откуда выпала? Чучундра в противогазе!

Я решила прекратить идиотскую беседу и встала.

– Хорошо, прощайте.

– Ай, молодца, – одобрил Аристарх, – вали домой, правильно, хватай деньжонки, и адью.

– Обязательно найду Рыбаконя! Мне надо вернуть эту тысячу. И потом, бумажник! Там целое состояние.

– И как ты собралась искать дедка? – вдруг заинтересовался противный красавчик.

Я улыбнулась.

– Может, я и кажусь душой, но на самом деле таковой не являюсь. Фамилия Рыбаконь очень редкая, обращусь в справку, в общем, какая разница, но не успокоюсь, пока не отыщу деда, благо свободного времени у меня полно.

– Давай кошелек.

– Зачем?

– Отдам его Григорию.

– Вы знакомы?! – обрадовалась я.

– Да.

– Говорите адрес.

– Ни к чему, ну... где портмоне? – прищурился Аристарх.

Я посмотрела на его картинно красивое лицо и решительно ответила:

– Нет. Я лично передам вещь хозяину, вы не владелец кошелька. Если по непонятной причине не желаете сообщить мне координаты Григория Семеновича, то можете просто позвонить ему и сказать обо мне.

Аристарх глубоко вздохнул.

– Давай, давай, не бойся.

– Нет.

– Передам стопудово.

– Нет.

Бабушкин хмыкнул:

– Экая ты недоверчивая.

– Уж извините, – твердо ответила я, – вы не внушаете мне доверия!

Красавец выкатил глаза.

– Я? Тебе?

– Да.

– Офигеть! Ладно, стой тут, сейчас он придет.

– Кто?

– Рыбаконь.

– Григорий Семенович здесь?!

– Где ж ему быть? Спит в своей комнате, косой пенек, – весьма неуважительно сказал Аристарх, – только наберись терпения, эта гнилушка сразу не встанет, пока сообразит, что к чему, прокряхтит, покашляет... Хотел тебе помочь, но коли за вора меня считаешь, то париться тебе тут, пока старый хрыч выползет.

Я прислонилась к стене, Аристарх ушел, потянулись томительные минуты, и тут ожил мобильный.

– Танюшка, – зазвенела Этти, – чего не перезваниваешь? Ну? Как дела?

Я привыкла быть откровенной с Этти: расскажу ей о бедах и делается легче. Вот и сейчас я собралась воскликнуть «ужасно», но тут будто невидимая рука зажала мне рот. Этти тяжело пережила смерть сына, у нее появилась аритмия. Конечно, я частенько «гружу» ее своими проблемами, жалуюсь на безденежье, отсутствие друзей, невозможность найти приличную работу, однако все это, в общем, ерунда. Но как сообщить о трупке Дорофеева? Стоит ли делиться с Этти ужасной информацией? Свекровь разволнуется, у нее может начаться сердечный приступ.

Внезапно мне стало стыдно. Я – свинья, которая использует добрую Этти в качестве жилетки, вечно ною, жалуюсь. А ведь свекровь никогда не обременяет меня, у нее всегда все отлично.

– Замечательно, – ляпнула я.

– Что? – изумленно воскликнула Этти.

– Я нашла работу, – лихо соврала я, горя желанием доставить лучшей подруге радость, – великолепную!

– Ой! Здорово! Где?

– Потом, – зашептала я, – сейчас как раз оформляюсь, дело долгое, муторное, позвоню позднее.

– Вот отлично! – закричала Этти. – Это надо отметить! Приезжай потом ко мне.

– Не могу.

– Но почему?

– Прямо сейчас велят начинать работать, – продолжала я врать.

Вот почему не люблю лукавить. Стоит один раз сказать неправду, потом придется постоянно лгать, чтобы не поймали и не уличили в нестыковках.

– Ты пришла и осталась?

– Ага.

– Прямо сразу?

– Угу, служба закончится в девять, будет поздно, я поеду домой, – бодро соврала я.

– Ладно, – согласилась Этти, – ясное дело, устанешь. В выходные пересечемся?

– Конечно, – пообещала я.

Этти пожелала мне удачи и отсоединилась, я сунула мобильный в бездонную торбу, услышала покашливание и увидела Гри.

– Ну? – заявил он. – Все сделала? Покалякала с парнем? Пошли на кухню, не стой столбом!

Обычно я стараюсь разговаривать с людьми вежливо и спокойно, но сегодня был тяжелый день, наполненный унижением, страхом и отчаяньем. К тому же, солгав из самых лучших побуждений единственной подруге, я была крайне недовольна собой.

Я вдруг бессвязно завопила:

– Никита... квартира... открытая дверь... тысяча...

Гри молчал, когда фонтан моего красноречия иссяк, дед вдруг спросил:

– Ты чего, нашла Дорофеева?

– Конечно, он был дома.

– Никита оказался в квартире?

Удивленная непонятливостью деда, я уже более спокойно повторила рассказ. Рыбаконь пошел к плите.

– Ты того... успокойся, – протянул он, – ща мозгами раскинем и поймем, как поступить.

Я набрала полную грудь воздуха, собираясь сказать несколько гневных, но справедливых фраз, но тут раздался звонок в дверь. С ловкостью молодой обезьяны Гри метнулся в прихожую, потом оттуда послышался незнакомый мужской голос, звук шагов, скрип. Я в полнейшем

недоумении сидела на кухне. Наконец Гри влетел назад, его седые волосы стояли дыбом, в глазах горел огонь.

– Слушай, – зашептал он, – клиент пришел.

– Мне уйти?

– Дура! – прошипел дед. – Молчи и слушай. Похоже, появился денежный мешок, у меня в последнее время дела не очень идут, понимаешь? Народ в основном с ерундой прет, за мужем или женой проследить просят, а этот кадр с чем-то важным причапал. Значит, так! Сейчас идем в комнату и слушаем его.

– Я здесь при чем?

– Ты мой секретарь.

– Нет, спасибо за честь, лучше я отправлюсь домой.

– Дам тебе хорошую зарплату.

– Благодарю, не надо.

– Ты же без денег сидишь!

– Верно, но даже за огромную сумму не соглашусь на некоторую работу и за миллион долларов не стану проституткой.

Гри потер руки.

– Ну, предположим, на рынке продажной любви тебе красная цена двадцать баксов.

– Почему так мало? – возмутилась я.

Гри хмыкнул.

– Объяснять времени нет, но уж поверь моему опыту, на Тверской тебе не заработать, даже не думай об этом.

– Мне и в голову не придет подобное!

– Только что ты сказала про миллиончик.

– Вы меня не так поняли!

Гри нервно оглянулся.

– Потом поспорим, пошли, посидишь в кабинете.

– Нет.

Старичок сморщился и умоляюще протянул:

– Пожалуйста, Таточка.

– Меня зовут Таня.

– Это я так подлизываюсь, – не сдался Гри, – выручи меня. Частный детектив без секретаря – это несерьезно. Наличие помощника показатель стабильности конторы. Я тебе заплачу за услугу, ничего делать не надо, поизображаешь мою сотрудницу, и усё. Сто баксов. Потом домой поедешь! Что тебе стоит, а? Выручи.

Сто долларов за такую ерунду? Сумма меня впечатлила, и потом, что плохого случится от моего пребывания в качестве безгласной свидетельницы?

– Ладно, – кивнула я, – согласна.

– Ты просто киса, – шепнул Гри, вытолкнул меня из кухни, проволок по коридору и впихнул в комнату, оборудованную под кабинет. Сидевший на диване мужчина встал.

– Это моя помощница, Таня, правая рука, – улыбнулся Гри. – Вы не возражаете против ее присутствия, Андрей Львович?

– Нет, – нервно ответил гость, – только мое дело крайне деликатное.

– Не беспокойтесь, – улыбнулся Гри, – мы умеем хранить секреты.

– Да, – забормотал Андрей Львович, – я хотел найти профессионала высшего класса, хотя, честно говоря, слегка удивлен. Вижу немолодого человека, а Таня...

Он замолчал.

Мне стало обидно.

– Вы хотели сказать, несколько толстовата?

Андрей Львович порозовел.

– Полнота для маскировки, – ляпнула я, совершенно не понимая, отчего меня понесло по кочкам, – чтобы никто не догадался, кем я работаю.

– Ладно, – прервал меня Гри, – ежели вас не устраивает мой возраст и Танина весовая категория, можем распрощаться сразу.

– Нет, – испугался Андрей Львович, – я никого не хотел обидеть, просто к слову пришлось. Только дело тонкое и цена...

– Я дорого стою, – пояснил Гри, – если вам не по карману, то могу посоветовать одного из своих коллег, берет дешево, правда, не всегда справляется с заданием, но это уже детали, главное, просит копейки.

Андрей Львович вынул из кармана блокнотик с ручкой, черкнул что-то на бумажке, положил листок перед Гри и спросил:

– Столько?

Старик спокойно написал в свою очередь что-то на бумаге и отдал гостю.

– Нет, вот эта цифра.

Андрей Львович глубоко вздохнул:

– А если вы не справитесь?

Гри пожал плечами.

– Такого еще не случалось. Но теоретически все возможно, я беру гонорар лишь после завершения дела. Сейчас дадите мне тысячу долларов на расходы. Естественно, я представлю отчет об использовании данных средств: чеки, квитанции, в случае неудачи вы рискуете малой суммой.

Андрей Львович вытащил из кармана платок, промокнул лоб и решился.

– Ладно, я согласен.

– Тогда начинайте, – велел Гри, – я весь внимание.

Андрей Львович раскрыл портфель и положил перед Гри стопку открыток.

– Смотрите, они приходили в течение двух недель.

Гри взял сверху одну и прочитал:

– «Осталось четырнадцать дней...» До чего?

– Сам не знаю, – пожал плечами клиент, – каждое утро я открывал почтовый ящик, а оттуда вываливалось очередное послание. Текст стандартный, менялось лишь количество дней. Тринадцать, двенадцать, одиннадцать... А сегодня вот что пришло.

И он сунул Гри почтовую карточку. Дедок взял ее и пробормотал:

– «Срок истек, осталось ноль дней». А что внизу нарисовано?

– По-моему, гроб! – нервно вскрикнул Андрей Львович.

– Думается, вы абсолютно правы, – протянул Гри, – очень похоже на домовину, надо же, и крестик на крышечке имеется.

– Омерзительная графика, – передернулся Андрей Львович, – и теперь я хочу знать, кто сей шутник!

– Живете один? – быстро поинтересовался Гри.

– Нет, с Верой, это моя жена.

– Почему же вы решили, что открытки адресованы вам?

Андрей Львович растерялся.

– Не знаю, почту всегда вынимаю я, отчего-то подумал, что это надо мной издеваются. Вера не работает, ведет домашнее хозяйство, она нигде не бывает, подруг у нее практически нет...

– А вы что делаете?

– Преподаю в вузе, кроме того, готовлю абитуриентов к поступлению, занимаюсь частным репетиторством. У меня огромный круг общения, честно говоря, я подозреваю кое-кого...

– А именно?

– Я отказался не так давно от ученицы, – сообщил Андрей Львович, – ее не удалось подготовить даже мне. Поймите, я высококлассный репетитор, у которого поступает сто процентов обучающихся. Но надо начинать заниматься в восьмом классе, за три года до вступительных экзаменов. Школа сейчас не дает никаких знаний. Да, я стою дорого, но натаскиваю ребенка, а потом вталкиваю оболтуса в вуз. Никогда не беру никого за полгода до поступления. Но тут бес меня попутал, приятель очень просил, уговаривал: «Сделай ради меня, хорошая девочка, умненькая, старательная», вот я и поступился принципами. А в результате, – гость махнул рукой, – четыре месяца позанимался, а дальше не смог. Родители очень злились, мать все кричала: «Безумные доллары за час брали, пять раз в неделю ходили, а теперь в кусты?!» Вот я и думаю, может, они решили отомстить? Вы только точно разузнайте, кто именно, а дальше уж я сам разберусь, есть у меня кое-какие приятели, покажут поганцам небо в алмазах.

– Имена, фамилию и адрес родителей девочки скажите, – потребовал Гри.

– Самсоновы, Надежда Павловна, Игорь Сергеевич и Катя. Живут недалеко от метро «Тульская», считайте, самый центр, вот их координаты вместе с телефоном.

– Хорошо, – кивнул Гри. – Работаете дома?

– Нет, – помотал головой Андрей Львович, – по всей Москве катаюсь, от Теплого Стана до Митина.

– И много учеников сейчас имеете?

– Десять.

– Со всеми пять дней в неделю занимаетесь?

– Нет, с Катей просто была экстремальная ситуация. С остальными по три раза в неделю уроки. Но занят я капитально, сами посчитайте, десять детей трижды в семидневку, получается шестьдесят часов.

– Почему шестьдесят?! – изумился Гри. – Насколько я понимаю, трижды десять это тридцать, но у меня проблемы с математикой, может, я что-то путаю?

Андрей Львович мрачно улыбнулся:

– Нет, верно, только мы занимаемся по два часа.

– А тридцать долларов стоит весь урок?

– Шестьдесят минут, – ответил преподаватель, – поверьте, я еще не так дорого беру, кое-кто по полсотни заламывает за академический час.

В моей голове замесились цифры. Значит, десять детей по два часа, трижды в неделю и впрямь выходит шестьдесят часов. Теперь помножим шестьдесят на тридцать. Мама моя! Получается тысяча восемьсот баксов! В месяце четыре недели, в некоторых случается и пять. Ну и ну, Андрей Львович имеет от семи двухсот до девяти тысяч долларов. Ничего себе! За недолгое время, что работала в школе, я получила один раз предложение частным образом позаниматься с «митрофаном», его мать пообещала мне сто рублей за час, ходить следовало к двоичнику по субботам, просто курам на смех заработок, а тут такие деньжищи!

Не подозревавший о моих расчетах педагог спокойно вещал дальше:

– С остальными детьми полный порядок, мы встречаемся давно, абитуриенты абсолютно готовы, могу с уверенностью сказать, те, кому в этом году поступать, легко преодолеют планку. С их родителями у меня полный контакт, никаких проблем. Неприятности случились лишь с Самсоновыми, наверное, это они надо мной издеваются! Надо же, такое придумать! Открытки, гроб... Ну и шутники! Если вы точно выясните, что именно они хамят...

– Хорошо, – прервал его Гри, – все ясно, начнем работу, если возникнут вопросы, обязательно вам позвоню. Таня проводит вас.

– Уж постарайтесь, – вздохнул Андрей Львович, – а то, не ровен час, новую гадость придумают, Вера очень напугана. Вот тысяча долларов, как просили...

Мне пришлось довести Андрея Львовича до выхода. Репетитор натянул плащ и неожиданно улыбнулся.

– Вы не толстая, просто в теле, кстати, я всегда останавливаю взгляд на крупных дамах.

Я улыбнулась, Андрей Львович явно старался понравиться помощнице детектива, наверное, хочет, чтобы побыстрее справились с его заданием.

– Мне же не в балете танцевать, – вырвалось у меня.

– И то верно, – подхватил клиент, захлопывая дверь.

Повернув ключ в замке, я уставилась в овальное зеркало, висящее на стене. Да уж, на балерину я мало похожа, скорей на циркового слона. Чего греха таить, очень хочется стать тоненькой, гибкой, как веточка, да видно – не судьба.

– Таня! – крикнул Гри. – Ты где?

– Здесь, – отозвалась я и вернулась в кабинет.

– Садись, – велел Гри, – слушай.

Потом он схватил телефон, быстро набрал номер и сказал:

– Добрый день, можно Надежду Павловну? Еще раз здравствуйте. Мы с вами незнакомы, поэтому прошу прощения за звонок, но вот какое дело. У меня есть сотрудница, а у нее дочь, которая собирается заниматься с Андреем Львовичем Калягиным, хочет поступить в институт...

Повисло молчание, из трубки до меня долетел бурный писк. Очевидно, Надежда Павловна яростно выражала негодование.

– Можно она к вам подъедет? – вклинился в поток слов Гри. – А то деньги просят жуткие, хочется узнать о репетиторе побольше...

Трубка вновь разразилась противным чириканьем.

– Ее зовут Таня, – объяснил Гри, – уже бежит.

Глава 4

Швырнув трубку, Гри ажитированно воскликнул:

– Поняла?

– Не совсем, – осторожно ответила я, – а что следовало понять?

– Сейчас поедешь на «Тульскую».

– Зачем?

– Как же? Надо поговорить с этой Надеждой Павловной!

Я помотала головой.

– Извините. Я согласилась выручить вас ненадолго, но и только. И потом, сегодня я уже вляпалась в одну неприятную ситуацию, с меня хватит.

Гри прищурился.

– Давай говорить откровенно. Тебе сколько лет?

– Слегка за тридцать.

– А если без идиотского кокетства?

– Тридцать четыре.

– Смотришься на пятьдесят, – прищурился дедок.

– Спасибо за комплимент.

– Это правда.

– Еще лучше, – чувствуя, как к горлу подбираются слезы, ответила я, – между прочим, вы не найдете на моем лице ни одной морщины.

Гри вытащил сигареты.

– Может, и так, только пока морду взглядом окинешь, устанешь. Женщину делает молодой стройная фигура, если на талии «бублики», а на спине горб из жира, будешь казаться побитой жизнью матроной.

Я встала и пошла к двери.

– Эй, ты куда? – забеспокоился Гри.

– Домой поеду, завтра рано вставать, – спокойно ответила я.

Еще в детстве, слушая язвительные шуточки одноклассников, я очень хорошо поняла: если люди хотят посмеяться над тобой, обидеть или оскорбить, не следует доставлять им радость, не надо плакать, лучше всего сделать вид, что ядовитая стрела не достигла цели. В конце концов народу надоедает пинать того, кто не выдает в ответ агрессию, и вас оставят в покое. Главное, держать себя в рамках.

– Куда это с утречка ты решила отправиться? – проявил бестактное любопытство Гри.

– Поеду в одну фирму, там вроде нужен менеджер по продажам.

– Можешь и не стараться.

– Почему?

– Пролетишь, как фанера над Парижем. Хочешь, объясню почему?

Мои глаза начали медленно наливаться слезами, а противный старикашка вещал без остановки:

– Лет тебе не так уж и много, ты не девочка, конечно, но и не бабушка. Только на приличное место тебя не возьмут, секретарем не посадят, в торговый зал не поставят, глядишься ты пенсионеркой, одета, как чмо, задница – славянский шкаф, на голове воронье гнездо. Поэтому на хорошую зарплату не рассчитывай, вероятнее всего ты устроишься лифтершей, будешь получать три копейки и еще две от жильцов, если согласишься выгуливать в любую погоду их собачонок и притаскивать хозяйкам сумки с картошкой.

Слезы градом покатались по щекам, способность к членораздельной речи исчезла. Увы, нарисованная картина слишком походила на правду, я сама частенько представляла свое будущее именно таким.

Думаете, Гри устыдился и замолчал? Как бы не так! Дедок, увидав крайнее расстройство чувств гостыи, впал в еще больший ажиотаж и затарахтел, словно погремушка в руках у Гаргантюа.¹

– И какая судьбина поджидает госпожу Сергееву? Нищета, отсутствие семьи, друзей, полная безнадега...

– Зачем вы мне все это говорите? – прошептала я, давась соплями. – Отстаньте!

– Да затем, что ты дура! Каждому человеку, уж поверь мне, в жизни представляется шанс, всякий может начать жить заново, переломить хребет судьбе.

– Неправда, – пролепетала я.

– Нет, правда, – топнул ногой, обутой в слишком модный для его возраста ботинок, Гри, – просто большинство народа предпочитает кваситься, ныть, стонать, жаловаться на судьбу или, как ты, рыдать, приговаривая: «Ай, ай, бедненькая я, несчастненькая»! А между прочим, Жар-птица-то рядом, хватай ее скорей, не шелкай клювом, улетай в иные края, стань там счастливой, вылези, идиотка, из болота, на хрена ты в нем засела, коровища?

Неожиданно мне стало смешно, воображение мигом нарисовало замечательную картину. Большая птица, покрытая золотыми и синими перьями, взлетает к небу. На спине сказочного создания восседаю я, принаряженная в лучший темно-фиолетовый костюмчик, полученный в качестве подарка на день рождения от Этти. Взмахнув пару раз крылами, пернатое поворачивает голову и красивым сопрано произносит:

– Уж прости, Танюша, я тебе хотела помочь, только тяжеловата ты для меня будешь.

И хрясь, сталкивает меня вниз. Мне никогда не везет, если и встретится волшебное создание, то оно будет с выщипанными перьями, дурным характером и истерическими наклонностями, этакая лысая птичка счастья, вариант для бедных, фальшивое золото производства Таиланда. Одна знакомая Этти купила недавно на «Птичке» котенка, якобы британской породы, выросло из него невеста что, британец китайского производства! Мне по жизни всегда попадают только поганые экземпляры.

– Где же она, моя жар-птица? – неожиданно выпалила я.

– Это я, – на полном серьезе заявил Гри, – предлагаю тебе шикарную работу, полную приключений, достойную зарплату. Ну что ты теряешь, приняв мое предложение? Решайся! Второго шанса может в жизни и не случиться.

– Да зачем я вам?

Гри почесал затылок.

– Понимаешь, я скоро построю для своей конторы новое здание, в центре, пятиэтажное, найму кучу сотрудников и заткну за пояс «Пинкертон».² Но это перспектива, пока я работаю один, и есть дела, которые лучше поручить женщине, такой, как ты, полной тетехе. Ты подозрений не вызовешь, натуральная клуша, какого подвоха от тебя ждать!

– Я не наседка.

– Вот и отлично, значит, ты умеешь перевоплощаться. В общем, решайся, выбирай: либо мыть подъезды, либо яркая, веселая, интересная...

– Согласна, – непроизвольно ляпнула я.

– Молодец! – хлопнул меня по плечу Гри, я невольно отшатнулась.

– Да не бойсь, – захихикал дедуська, – никакого интима на работе, я придерживаюсь правила: в гнезде не гадить.

¹ Гаргантюа – главный герой книги французского писателя Рабле «Гаргантюа и Пантагрюель».

² «Пинкертон» – одно из самых известных детективных агентств мира.

Меня передернуло, но Гри не заметил, как покорила его собеседницу грубая фраза.

– Ну, супер! – воскликнул он. – Несешься сейчас к Самсоновой. Скажешь ей, что живешь бедно, но ради дочери готова на все, кровь свою продашь, чтобы дать девочке приличное образование. Поняла?

– Вдруг она спросит, откуда я про нее знаю?

– Незачем ей этим интересоваться, впрочем, соверши что-нибудь. Ориентируйся по обстоятельствам, главное, раскрути бабу на рассказ об Андрее Львовиче. Вот диктофон, сунь в карман.

– Но...

– Иди.

– Вдруг не получится?

– Что? Говорить разучилась?

– Нет, но...

– Ступай.

– Врать я не умею, – в полном отчаянии призналась я.

– В твоём возрасте уже пора бы и научиться, – заявил Гри, подталкивая меня к двери, – заодно попрактикуешься. Поверь старому прожженному лгуну, тяжело только в первый раз, потом как по маслу покатит.

Он подождал, пока я нацеплю туфли, и неожиданно спросил:

– Скажи, как я сегодня выгляжу?

Я окинула Гри взглядом и вежливо ответила:

– Просто чудесно.

Дедок радостно рассмеялся.

– Видишь, уже врешь! Не спал всю ночь, печень расшалилась, и сейчас у меня опухшие глазки вкупе с нездоровым цветом лица. Ловко у тебя получается.

Сделав последнее заявление, он захохотал и выпихнул меня на лестничную клетку.

Возле станции метро «Тульская» тянулся унылый серый дом, я медленно потащила вдоль здания, занимавшего целый квартал. Было душно, и снова захотелось есть, как назло, путь лежал мимо ларьков, из которых доносились умопомрачительные запахи, а шедшие навстречу прохожие, словно сговорясь, ели шаурму.

Глотая слюну, я наконец добралась до гудящей площади и, без конца спрашивая дорогу, двинулась в глубь квартала. Конечно, мои Кузьминки медвежий угол по сравнению с тем местом, где расположена станция «Тульская», но уж лучше жить там, среди зелени, чем в центре, задыхаясь от бензиновых выхлопов и смога.

Нужная улочка оказалась крохотной, на ней было всего два здания. На одном, скорее всего, детском саду, белела косо намалеванная цифра 3, на другом, девятиэтажной кирпичной башне, красовалась табличка 8.

Я не стала удивляться, куда подевались другие дома с номерами от одного до семи, вошла в подъезд, миновала пустой холл, где, наверное, должна сидеть консьержка, и поднялась на последний этаж.

Дверь распахнули без всяких церемоний.

– Вы Надежда Павловна? – спросила я у худенькой, просто прозрачной черноволосой дамы, одетой в джинсы-стрейч.

Та кивнула и задала вопрос:

– А вы Таня, решившая в недобрый час нанять Андрея Львовича?

– Почему в недобрый? – спросила я.

– Давайте проходите, по коридору налево, – предложила хозяйка, потом спохватилась: – Ничего, если у плиты сядем, а не в гостиной?

– Я сама больше люблю кухню, – вполне искренне ответила я.

В моей квартире кухня, всего-навсего пятиметровая, самое уютное место. Мы с Мишей любили сидеть за маленьким столом, но комната, куда меня препроводила Надежда, оказалась огромной, сплошь забитой дорогущими приборами. Стиральная машина, посудомойка, СВЧ-печка, огромный холодильник и еще куча всего с разноцветными лампочками. Похоже, денег в этой семье не экономили.

– Кофе, чай? – поинтересовалась хозяйка, вытаскивая из буфета здоровенную, под стать кухне, коробку конфет.

Я хотела было сказать про свое высокое давление, но неожиданно произнесла:

– Кофе выпью с огромным удовольствием.

Надежда ткнула пальцем в какую-то кнопку и воскликнула:

– Не приведи господь связываться вам с этим подонком.

– Почему? – задала я первый вопрос и осторожно включила в кармане диктофон.

Искренне надеюсь, что он не подведет и запишет разговор, потому что с памятью у меня не очень хорошо.

– А вы как на мерзавца вышли? – поинтересовалась Надежда, нажимая на каком-то никелированном агрегате белую клавишу.

– Знакомые посоветовали, – ловко выкрутилась я.

– У вас с ними хорошие отношения?

– Да, – изобразила я удивление, – отчего спрашиваете?

– Знаете, как случается, – вздохнула хозяйка, подставляя мне чашку с темной ароматной жидкостью, – вам в глаза улыбаются, а за спиной гадости делают. Зачем бы они вам Калягина рекомендовали, а? Нам его, кстати, тоже, так сказать, друг подсунул. Встречаются подобные экземпляры, якобы из добрых чувств делают гадости, а потом начинают фальшиво возмущаться.

– Кто бы мог предположить, я о нем только одно хорошее слышала.

– Нам Калягина прислал школьный приятель мужа. Мы искали для Катюши педагога, звонили по телефонной книжке и наткнулись на номер этого Сергея. Муж с ним лет пять не общался. Ну, поболтали о том о сем, потом Игорь возьми на беду да спроси:

– Слушай, нет ли у тебя знакомых в Академии менеджмента и дипломатии?³

– Зачем тебе? – поинтересовался приятель.

– Да Катька, дочка, поступать туда хочет. Сам понимаешь, в такой вуз без знакомства и соваться не следует.

– Надо подумать, – ответил Сергей.

Через два часа он перезвонил и радостно заявил:

– Ну, не поверишь! Я нашел лазейку для Катюхи, пиши телефон – Калягин Андрей Львович, маг и волшебник, он там преподает и может все.

Обрадованный Игорь мигом соединился с рекомендованным преподавателем и договорился о встрече.

– Вы только представьте, – возмущалась сейчас Надежда, – репетитор заломил дикую цену! Тридцать долларов за шестьдесят минут, сидел с Катюхой по три часа пять раз в неделю! У нас вылетало на уроки почти пятьсот долларов за семидневку! Естественно, мы с Игорем обеспеченные люди и готовы ради дочери на все! Но такая цена!

– Мне называлась иная цифра, – осторожно перебила я, – педагог хочет по двадцать баксов за два часа занятий!

– Не верьте, заманивает! Нам он тоже вначале так заявил, а стал ходить и запел другие песни. «Девочка ничего не знает, надо усиленно готовиться, вы поздно приступили». Ну и

³ Насколько автору известно, подобного учебного заведения в столице России нет. Совпадения случайны.

чего? Мы с мужем в долги влезли. Да на ту сумму, которая попала в карман этого мерзавца, отличную машину купить можно! И что?

– Что? – эхом отозвалась я.

– В середине мая, – кипела Надежда, – этот гаденыш позвонил и коротенько так сообщил: «Извините, больше заниматься не могу, Катя не тянет, ей не поступить даже при моей помощи, не хочу вас больше в расход вгонять, выберите вуз попроще». Нет, прикиньте, а? И все!

Я молча слушала, глядя, как Надя мечется по кухне, продолжая рассказ.

По словам хозяйки выходило, что Игорь, отец Кати, просто пришел в бешенство.

– Развели нас, как лохов, – ревел мужик, – обчистили и кинули! Убью подлеца! А все ты, Надья, виновата!

Перепуганная жена даже не попыталась напомнить разъяренному супругу, что тот сам нашел репетитора. Она вообще впервые за почти двадцать лет семейной жизни увидела Игоря в бешенстве, муж не злился так даже тогда, когда Надя, поставив возле супермаркета их новенький джип, забыла включить сигнализацию, и тачку угнали.

К вечеру Игорь слегка поостыл и мрачно заявил жене:

– Я разберусь с ними.

– С кем? – робко поинтересовалась супруга.

– С Андреем Львовичем и Сергеем. Ишь, сладкая парочка. Один рекомендует, а другой кидает! Небось доход пополам делят! Кстати, Сережка нам нарочно подлеца подсунул.

– Откуда ты знаешь? – изумилась Надя.

– Да я вот только сейчас понял, – вновь взревел Игорь, – Сергей тоже, как и я, пытался мебелью торговать. Только у меня бизнес в гору пошел, а у него накрылся медным тазом, разорился Серега, вот и решил из зависти меня долбануть. Ну, с ним разговор впереди! Сначала с Андреем Львовичем разберусь, я его убью.

Надюша попыталась успокоить мужа.

– Игорюша, милый, забудь все.

– Тебе его жаль? – окрысился супружник.

– Сама бы лично утопила гада, – воскликнула Надя, – только я за тебя боюсь, еще попадешься!

– Ерунда, – фыркнул муж, – во-первых, умные люди нанимают сейчас исполнителя. Мразь, вроде репетитора, копейки стоит, чай, не депутат и не журналист. У метро можно бомжей найти, дать им сто баксов, они спокойно Калягина удавят, да еще кланяться мне будут и благодарить.

– Игоречек, не надо, тебя найдут и посадят, – зарыдала Надя.

– Заткнись, – взвизгнул всегда корректный муж.

Но Надежда только сильнее зарыдала, ей стало страшно, черт с ними, с деньгами, их заработать можно, а что делать, если Игорька за решетку посадят?

– Замолчи, – устало сказал муж, – это я так ляпнул, для красного словца, просто попугаю сволочугу, чтобы в другой раз nepовaдно было, я такую штуку придумал!

– Какую? – всхлипнула Надя.

– Не скажу, – заржал муж, – только обосрется сволочуга от ужаса.

– Ты что задумал? – не успокаивалась Надя.

– Вот сделаю и расскажу, – пообещал Игорь и внезапно улыбнулся: – Тебе понравится.

Я слушала, затаив дыхание, только бы диктофон не подвел.

– Знаете, что меня больше всего возмутило в этой ситуации? – спросила Надя.

– Нет.

– Катя хорошо учится, у нее тройки редкость, дочку педагоги только хвалят, а этот завел: «Плохо подготовлена, школа знаний не дает, вуз суперпрестижный...»

– Зачем вы вообще репетитора нанимали, раз девочка отличница и умница? – робко поинтересовалась я.

– О господи! – всплеснула руками Надежда. – Академия менеджмента и дипломатии дико бластное место. Там, знаете, чьи дети учатся? Берут в вуз исключительно по анкете. Смотрят, кто у абитуриента родители, и, в зависимости от этого, раздают баллы на экзаменах. Мою Катку ничего не стоит завалить, поставят за сочинение двойку, напишут «не раскрыла тему», и каюк. Поэтому мы и наняли Андрея Львовича, он там преподает, обещался экзаменаторам взятки раздать.

– А зачем вам обязательно в этот вуз? – не утерпела я. – Похоже, проблем с финансами вы не имеете, устроите дочь на платное отделение в любой институт.

– А вам зачем в академию? – налетела на меня Надя. – Отчего в библиотечный техникум не желаете?

– Я бедная женщина, – вырвалось у меня в порыве вдохновения, – надо, чтобы ребенок после окончания вуза на хорошее место устроился и мыслями о деньгах, как мать, ежедневно не мучился. Да я кровь свою продам, чтобы девку выучить в престижном заведении, ей диплом дорогу в иной мир откроет.

– Думаешь, ты одна свое чадушко любишь? – вздохнула Надя. – У нас, правда, с финансами порядок. Но, признаюсь честно, не хочу, чтобы дочь оборванца в мужья нашла. Влюбится в неподходящего парня, выберет себе голь перекатную. А в академии таких нет, там женихи загляденье, один краше другого, с папами академиками, депутатами и генералами. Вот так.

Повисло молчание. Потом Надя добавила:

– Хочешь мой совет? Гони этого Андрея Львовича в шею, гад он, чтоб ему сдохнуть! Обманщик и мерзавец, только и знает, что деньги вышибать. У тебя что, их много?

– Совсем нет, – замотала я головой.

Надя замолчала, потом неожиданно спросила:

– Оно, конечно, не мое дело, уж извини за любопытство, но как же ты собиралась с репетитором расплачиваться?

И тут я не подумавши ляпнула:

– Хозяин в долг дает. Понимаете, я работаю секретаршей у крутого бизнесмена, Григорий Семенович обещал помочь.

– Ага, а откуда же вы про нас узнали? – продолжала допрос Надя.

Ну вот! Ведь предупреждала Гри, что женщина непременно должна задать подобный вопрос! Надя настороженно смотрела на меня, нужно как можно быстрее дать ответ.

– Э... э, – замямлила я, – э... э...

Потом заработала фантазия.

– Григорий Семенович, мой хозяин, владелец детективного агентства, – принялась я плести кружево лжи. – Когда я попросила у него в долг огромную сумму, он, естественно, поинтересовался, для чего она мне понадобилась, пришлось рассказать про репетитора. Гри, то есть начальник, решил проверить личность педагога, уж не знаю каким образом, узнал, что он работал с вашей Катей. Григорий Семенович такой, он все может. В общем, он позвонил вам и попросил со мной встретиться. Затем приказал: «Езжай, Танечка, да посоветуйся с Надеждой Павловной, негоже так просто немереные доллары отдавать». Очень хорошо, что я вас посетила, спасибо, раскрыли мне глаза.

Монолог я выпалила на одном дыхании, чувствуя, как блузка прилипла к вспотевшей спине.

– Похоже, ваш Григорий Семенович умный человек, – протянула Надя, – дайте-ка его адресок.

– Зачем? – испугалась я.

– Наверное, он в клиентах нуждается.

– Верно.

– Может, обратимся когда-нибудь!

Подумав, что не совершаю ничего плохого, я продиктовала Наде адрес Гри, потом еще раз поблагодарила приветливую даму и ушла.

Глава 5

На Москву тихо опустился вечер, но отчего-то парадоксальным образом стало еще более душно, чем днем. Я села в скверике у метро, вытащила сигарету, закурила и, провожая взглядом серо-синий легкий дым, подумала, что ничего особо тяжелого в новой работе нет. Ну буду встречаться с разными людьми, имея в кармане включенный диктофон. Это вам не мучиться в школе и не бегать с подносом в кабинет к начальнику. Правда, я не слишком умело общаюсь с людьми, мне достаточно трудно свободно разговаривать с незнакомыми, но сегодня все получилось лучше некуда, я ни разу не застеснялась Нади, не стала сравнивать ее точеную фигурку со своей, не испытала комплексов... Интересно, почему? Может, от того, что ощущала себя на работе? Вот если бы я просто заявила к Самсоновой в гости, тут уж точно сжалась в комок.

Би-би, – коротко донеслось из торбы, я порылась в сумке и вытащила мобильный. На этом свете имеется лишь один человек, способный прислать мне SMS-сообщение, Этти!

Со свекровью мне повезло феерически. В свое время бабы в учительской рассказывали про матерей мужей такое... Кровь сворачивалась в жилах, а по спине тек холодный пот от услышанного. Бесконечные упреки, фразы типа: «Вижу, мой сын сильно ошибся в выборе жены», поджатые губы, кислые мины... Как назло, мужья обожали своих родительниц и каждый раз заявляли супругам: «Не смей спорить с мамой, у нее разболится голова». У всех свекровей моих бывших коллег было слабое здоровье, ранимая нервная система и ядовитые зубы, которые они пускали в ход только тогда, когда оставались с невесткой наедине.

Этти оказалась иной. Начнем с того, что я не знаю, сколько ей лет. Свекровь родила сына неизвестно от кого. Вернее, она сама, естественно, знает имя отца, более того, была за ним одно время замужем, но распространяться о бывшем супруге не любит.

– Мы с Ильей прожили всего ничего, – как-то в минуту откровенности призналась она, – а когда он бросил меня с крохотным Мишкой на руках, не оставил ни копейки денег, я вдруг сообразила, что совсем не знала мужа. Поэтому теперь всем говорю: мой сын неизвестно от кого, или, если хочешь, от неизвестного!

Когда я в первый раз увидела мать Миши, то приняла ее за его сестру. На кухне стояла тоненькая хрупкая девочка с копной каштановых кудрей.

– Это Этти, – улыбнулся Миша и, видя мое недоумение, добавил: – Мама, твоя будущая свекровь.

– Здравсти, – растерянно брякнула я, крайне удивленная тем, что жених представляет мать по имени, без отчества и всяких церемоний.

– Привет, – весело ответила Этти, – топай к столу. Ты чай с чем любишь, с лимоном или с вареньем?

С первой минуты Этти стала вести себя так, словно мы были одногодки. Спустя несколько месяцев мне стало казаться, что Этти чуть больше двадцати, она не занудничала, не поучала меня, не совала нос в кастрюли, не поджимала губы при виде плохо выглаженной рубашки Миши. Наоборот, спрашивала:

– Не надоело утюгом махать? Да брось, и так сойдет. И вообще, пусть сам гладит, мужиков баловать нельзя.

Этти частенько подсовывала мне в карман денежки, приговаривая:

– Мишке не говори, это наше с тобой дело. Знаю, знаю, небось новую помаду хочется.

Родная мать не заботилась обо мне так, как Этти, свекровь вечно дарила какие-то милые пустячки, а приходя в гости, всегда приносила шоколадные конфеты. Этти единственный человек, перед которым я не стесняюсь раздеться. Меня смущал даже Миша, я всегда старалась нырнуть первой под одеяло, пока муж мылся в ванной. А с Этти я спокойно хожу в баню...

Она работает переводчицей, знает в совершенстве три языка, легко переходит в разговоре с немецкого на французский, а если надо, на английский. Миша же не сумел получить высшее образование, ему не достались материнские мозги.

Отец Этти был известный ученый, а мать поэтесса, в ее случае природа отдохнула не на детях, а на внуках. Миша был замечательным, добрым, ласковым человеком, он много читал, но оказался не способен к систематическим занятиям, и ему очень повезло с мамой. Большинство родителей, увидав в дневнике у чада сплошные двойки, принялись бы наказывать ребенка, топтать ногами и орать.

– Вспомни, из какой ты семьи! Не смей позорить память о дедушке и бабушке. Немедленно берись за ум, тебе нужно поступить в институт!

Да девяносто девять из ста матерей повели бы себя именно так, но Этти оказалась сотой, она спокойно спросила Мишу:

– Ты хочешь идти в вуз?

– Нет, – испугался Миша, – лучше в техникум, мне автодело нравится. – И Этти спокойно отвела сына по нужному адресу.

Муж говорил мне, что его никогда не наказывали, не ставили в угол, не читали нудных нотаций. Если честно, я завидовала супругу, мое детство было иным, мне не позволялось иметь собственного мнения, родители сами выбрали будущую профессию для дочери и велели идти в педвуз. Представляю, какую бы истерику закатила мама, услышь она от меня фразу типа: «Хочу стать портнихой». Или: «Желаю учиться на парикмахера».

Да она бы сначала грохнулась в обморок, ну а потом потянулись бы дни, заполненные нудными беседами с припевом: «Интеллигентная девочка обязана иметь диплом о высшем образовании. Вспомни о родителях, дедушке-ученом, бабушке...» Впрочем, нет, о бабуле бы промолчали, она-то всю жизнь варила суп, пекла пироги и умерла на глазах у рыдающей от горя внучки, накрутив очередные котлеты. На взгляд моих родителей, мать отца не достигла никакого успеха, и сын, и невестка тихо презирали скромную старушку, что, впрочем, отнюдь не мешало им лакомиться изумительными борщами, поесть великолепные пирожки и надевать чистые, старательно отглаженные вещи. Бабуля имела в нашей семье статус домработницы, ее охотно ругали за ошибки и никогда не хвалили. Отец звал старушку коротко: «мать», а мама величала: «Анна Семеновна», ни разу на моей памяти она не обняла и не поцеловала бабушку, была с ней всегда холодно-вежлива. Думаю, доживи мама до моего замужества, то никакого восторга при виде зятя не испытала бы, теща с удовольствием принялась бы указывать ему, лапотному, без диплома и высшего образования, на место у туалета.

Вот Этти другая, много вы найдете свекровей, которые, похоронив сына, окружают невестку-вдову любовью? А Этти после смерти Миши поддерживает меня, протягивает руку помощи. Если честно, то сейчас я просто живу за ее счет... Конечно, пытаюсь быть ей благодарной, но что я могу? Помочь свекрови убрать квартиру, помыть окна... И это все. Правда, я стараюсь изо всех сил, взвалила на плечи тяжелую физическую работу, таскаю Этти картошку, драю унитаз и ванну, мне очень хочется отплатить за добро, но это такая малость по сравнению с теми моральными и материальными подарками, которые я получаю от свекрови.

И сейчас надо позвонить Этти, она волнуется. Я потыкала пальцем в кнопки, но телефон не желал набирать номер, повторив пару раз бесплодные попытки, я догадалась изучить дисплей и поняла, что отсутствует сигнал сети. Все ясно, приняв SMS, телефон умер, баланс равен нулю, деньги на счету иссякли, и добрые сотрудники телефонной компании отрезали меня от связи. Сотовый превратился в бесполезный кусок пластмассы. Что мне сейчас делать? На дворе поздний вечер, наверное, не стоит ехать к Гри, он небось ложится спать, как все пожилые люди, рано. Да и что изменится от того, если я доложу начальнику о добытой информации завтра? В конце концов, рабочий день имеет границы.

Приняв решение, я спустилась в метро, без особых приключений добралась до нужной станции и села в троллейбус. Все сидячие места в салоне оказались заняты, пришлось устраиваться в хвосте, у огромного заднего окна, за ним маячила лесенка, по которой водитель в случае необходимости может залезть на крышу.

Двери троллейбуса начали медленно закрываться, и тут на тротуаре нарисовался мужчина, одетый, несмотря на духоту, в черный костюм и кепку, в руках вспотевший дядька держал пузатый портфель. Оставалось лишь удивляться, где мужик раздобыл сей раритет.

Желая попасть в троллейбус, «костюм» неся к остановке, но не успел он добежать, как водитель, очевидно, не поглядевший назад, преспокойно стартовал. А может, шофер сделал вид, что не видит «клиента», увы, встречаются такие мерзопакостные индивидуумы, они спокойно смотрят, как вы подлетаете к дверям, и... хлоп, задвигают створки из чистой вредности. Очевидно, сейчас за рулем восседал именно такой экземпляр, небось хихикает в кулак, страшно довольный собой.

– А ну слазь немедленно! – заорала кондуктор, выскакивая в проход.

– Вы ко мне обращаетесь? – изумилась я.

– Кому ты нужна, – рявкнула баба в форме, – стоишь и стой, вон дурак уцепился.

Я глянула в окно. Мужчина в костюме решил во что бы то ни стало воспользоваться ускользающим от него троллейбусом, наверно, он опаздывал на жизненно важное для него свидание, потому что как иначе объяснить поведение взрослого человека, который ухитрился вскарабкаться на лесенку и ехать на ней, держась одной рукой за ступеньку?

– Ваще, кретин, – бесновалась бабища, – идиот!

Мужчина, естественно, не мог слышать ее реплики, но он понял, что тетка злится, прижал портфель грудью к лестнице и стал рыться в кармане.

– Ща из-за дурака машину придется тормозить, – всплеснула руками кондуктор и погрозила «зайцу» кулаком.

Тот закивал, заулыбался, потом приложил к стеклу клочок бумаги. Мы с кондукторшей синхронно прищурились.

– Что он демонстрирует? – удивилась я.

– Проездной, – заорала во весь голос баба, – единый!

Каким-то образом «внештатный» пассажир воспринял реплику. Он заулыбался, закивал, затряс головой, всем своим видом объясняя: «Я не заяц, а честный человек, имею право ехать вместе со всеми, извините, господа хорошие, что отвлек ваше внимание».

– Михалыч! – заголосила тетка и понеслась по проходу. – Тормози, тама придурок катит!

Пассажиры начали хихикать, а мне стало жалко явно законопослушного дядечку. Я, приди мне в голову дикая идея раскатывать по улицам, вися на внешней стороне троллейбуса, вела бы себя точно так же. Внезапно к глазам подступили слезы: ну отчего я родилась такой недотепой? Почему я не умею дать отпор нахалу или наплевать на общепринятые нормы? Другие преспокойно нарушают закон и счастливы...

Троллейбус замер, потом с шипением распахнул дверь, я вышла на улицу. Ну и жаррища! Наверное, из-за погоды у меня отвратительное настроение.

Еле передвигая гудящие ноги, я доплюхала до подъезда и увидела две пожарные машины, желтый микроавтобус с надписью «Мосгаз» и милицейский «рафик». Рядом толпились возбужденные соседи.

– Вот она! – заорала Нинка Егоршина из семидесятой квартиры. – Гляньте, Танька явилась!

Толпа повернулась, через секунду я оказалась в центре людской массы, меня хлопали по плечу, кто-то лез целоваться, две бабки рыдали в голос.

– Ну, повезло!

– Жива осталась!

– Ой, беда, беда...

Я растерянно слушала выкрики и ничего не понимала. У нас хорошие отношения с соседями, но с какой стати они встречают меня так, словно я прилетела из космоса, спасая человечество от нашествия инопланетян?

– Ну-ка, граждане, посторонитесь, – раздался властный голос, и ко мне протиснулся парень лет тридцати, в джинсах и свитере. – Татьяна Ивановна Сергеева?

Я кивнула.

– Квартира номер шестьдесят два ваша?

– Да.

– Следуйте за мной.

Ничего не понимая, я вошла в подъезд и сразу ощутила запах гари. Лестница выглядела ужасно, по ступенькам бежали струйки грязной воды, тут и там виднелись черные пятна.

– Что стряслось? – поинтересовалась я у парня.

– Это у вас следует спросить, – ответил устало спутник и ткнул пальцем влево, – глядите.

Я уставилась в указанном направлении и взвизгнула. Входная дверь в мою квартиру отсутствует, впрочем, самой «двушки», можно считать, что нет. Черные обугленные обои свисают со стен, дверь между кухней и комнатой исчезла, мебель в саже, стекла разбиты, и по всему помещению гуляет теплый майский ветерок.

– Это что? – прошептала я, оседая прямо на грязный пол. – Что? Вы кто?

Парень вздохнул:

– Участковый, газ закрывать надо, когда уходишь!

– Я всегда поворачиваю кран!

– А сегодня забыла.

– Нет, я очень аккуратно его закрутила.

– Значит, подтекал он, – растолковывал милиционер. – Ты форточки захлопываешь, когда убегаешь?

– Конечно, обязательно, я очень аккуратна, всегда окошки проверю, краны в ванной и туалете, газ... Только потом дверь запираю.

– Похвальная предусмотрительность, – хмыкнул участковый, – но сегодня она тебя подвела. Потом разберемся, что к чему. Но, похоже, дело простое. У тебя плита какая?

– Импортная, очень хорошая, свекровь отдала.

– Давно ставила?

– Нет.

– Когда?

– Ну, совсем недавно Эtti себе новую купила, а мне старую отдала, – пустилась я в объяснения. – Раньше-то здесь отечественная была, духовка не работала, ручки не поворачивались...

– Газовика вызывала подключать? – протянул сотрудник милиции.

– Дорого очень, – вздохнула я, – дядя Леня из семидесятой поставил, он умеет, там дел на пять минут оказалось.

– «Дядя Леня, он умеет», – передразнил парень, – ну и гляди теперь, что вышло! Естественно, хреновый специалист твой дядя Леня. Ты шланг фирменный, в оплетке с гайкой, купила?

– Нет, – прошептала я, – обычный резиновый, другой денег больших стоит, дядя Леня его проволокой приделал.

– Сэкономила, значит, – припечатал милиционер, – скажи спасибо, что самой дома не было, вовремя ты по мужикам шляться пошла.

– Я на работе была, – оправдывалась я, – мне и в голову не придет романы крутить!

– Плевать, где тебя носило! – рявкнул милиционер. – Хоть у черта на именинах плясала, соседи тут пару часов выли, не знали, где гражданку Сергееву искать.

– Так что случилось? – еле ворочая языком, спросила я.

– Ты закрыла в квартире все форточки, а из плохо приделанного шланга потек газ, потом холодильник, видно, в очередной раз включился, искра проскочила, ну и бабахнуло, – объяснил участковый, – скажи спасибо, что не ночью дело приключилось, лежала бы сейчас на полке.

– Какой?

– В морге, – рявкнул парень, – «мы лежим в аккуратненьком гробике, ты костями прижалась ко мне...». Тебе еще повезло!

– В чем? – тупо поинтересовалась я.

– Сама жива и соседские квартиры целы, а то не расплатиться бы тебе вовек с людьми, – неожиданно сочувственно ответил участковый, – не дрожи, сделаешь ремонт и заживешь лучше прежнего. Ладно, вызову тебя повесткой. Изволь моментом явиться.

С этими словами он развернулся и ушел. Я осталась одна. Только сейчас до меня дошел ужас случившегося: я лишилась квартиры, своего единственного богатства, места, наполненного уютом и воспоминаниями о муже. Денег на ремонт нет... И ночевать мне негде.

В горле запершило, кашель начал раздирать легкие, еле живая от невероятных приключений, случившихся за день, я выползла во двор и плюхнулась на покосившуюся лавочку. Уж и не знаю, сколько времени просидела я в ступоре. Милиция и пожарные уехали. Покидая место происшествия, все обещали мне неприятности типа вызова к следователю. Потом к лавочке подошел дядя Леня и сурово заявил:

– Ничего я тебе не ставил.

Я захлопала глазами, а он нервно продолжал:

– Плиту помог наверх впереть, это чистая правда, а шланг не прикручивал, дело это противозаконное и опасное, никогда ничем таким не занимаюсь.

– Но как же, – забормотала я, – еще на бутылку взяли и объяснили, что лучше не в оплетке трубку покупать, а простую резиновую, хорошо помню ваши слова: «Ты, Танюшка, на ерунду деньги не трать, так приверчу, без гайки, проволокой обойдемся, сойдет, я у полдома плиты устанавливал, и все нормально».

Дядя Леня побагровел.

– Ишь, разболталась! Кто видал, что я тебе помогал? Вдвоем на кухне были.

Я заморгала.

– Свидетелев нет, – закончил сосед, – ты набрехала по дури ерунду, но я не в обиде, понимаю, стресс! Делов с тобой я не имел, закон знаю, к газу не подхожу. Так-то, и не смей меня обклеветывать, по роже схлопотать за длинный язык можно.

Высказавшись, он ушел, я осталась одна, сырость начала заползать за воротник, нужно идти домой, лечь в кровать, чтобы отдохнуть от тяжелого, мутного дня. За последние месяцы, которые провела без работы, я отвыкла от постоянной суеты, в жизни безработного есть один положительный момент – он может совершенно спокойно вздремнуть днем, но сегодня мне не удалось даже присесть, и съела я всего два пирожка. Желудок свело судорогой, я решительно встала, ну хватит торчать на скамейке, надо идти домой.

Шагнула к подъезду, и тут я внезапно поняла: идти некуда. Ночевать в изуродованной пожаром квартире невозможно, там грязно, ужасно пахнет, двери нет... Я обвалилась на скамейку, мне что, маячить тут всю ночь? Скорчиться на лавке? Я бомж! Что делают люди, оставшиеся без жилплощади? Куда обращаются? Эгги!

Встряхнувшись, я отправилась на пожарище и попыталась спокойно оценить размер беды. Кухни нет, в квартире отсутствуют стекла и входная дверь, запах стоит такой, что кашель начинает душить уже на лестнице, вся мебель, вернее, ее останки покрыты толстым слоем

сажи, немногочисленные носильные вещи безвозвратно испорчены, а на полу лужи, пожарные не пожалели воды.

Я стояла в коридоре, прижав ладони к щекам. Моя бабушка, увидев, что внучка плачет от обиды или отчаянья, всегда спокойно говорила:

– Не убивайся, Танечка, а скажи себе: «Разве это горе, так, маленькая беда, наплюем и дальше проживем».

– Что же, по-твоему, горе? – возмутилась я один раз, обозленная бабушкиным оптимизмом.

Она мягко улыбнулась.

– Вот на этот вопрос не отвечу, для каждого оно свое, придет – не спутаешь, только и горе ерунда, все пережить можно, главное, не бояться и знать: плохо всегда не бывает, ночь пройдет, солнышко появится.

Интересно, как бы отреагировала бабуля на пожар? И что мне делать? Я схватила телефонную трубку, слава богу, аппарат у меня стоит в прихожей, у самого входа, он сейчас весь покрыт копотью, но работает, пальцы быстро набрали хорошо знакомый номер, тут же раздался веселый, бодрый голос Этти:

– Здравствуйте, пока не могу ответить на ваш звонок, если оставите свои координаты, непременно свяжусь с вами.

Моя свекровь включает автоответчик лишь в одном случае, когда у нее мигрень, приступы мучают Этти по два, три дня, несчастная лежит в кровати, закутавшись в одеяло, любое движение вызывает у нее боль. Ни одно лекарство не способно принести облегчения. В свое время Этти обежала врачей и, узнав, что за изобретение медикамента, способного купировать мигрень, обещана Нобелевская премия, поняла: ей следует самой бороться с болезнью. В отличие от меня Этти не подвержена приступам депрессии, поэтому через некоторое время свекровь приспособилась, теперь, ощутив первые признаки головной боли, она включает автоответчик, вырубает дверной звонок, выпивает лошадиную дозу снотворного и через определенное время просыпается здоровой, главное, чтобы никто не помешал спать, в противном случае мигрень растянется на неделю. Все знакомые Этти великолепно знают: если услышал по телефону запись, то больше не трезвонь, соединишься с подругой через сутки.

Я прижала трубку к груди, к Этти не пойти. Конечно, если все же я наберусь окаянства и растормошу бедолагу, то она ни за что не станет сердиться, наоборот, примется жалеть меня, оказавшуюся в ужасном положении, но потом Этти свалится на неделю: способ со снотворным срывает лишь один раз. И что делать? Подругу жаль, но ведь и ночевать негде.

И тут телефон затрещал.

– Да, – ответила я, собираясь сказать невидимому собеседнику: «Вы не туда попали».

Уже давно мне никто, кроме Этти, не звонит.

– Эй, дурында, – раздался голос Гри, – хороша канашка! Жду ее с отчетом, а она дома дрыхнет! Совсем обнаглела! Забыла, что у меня работаешь? Плюхнулась у телика с пивом и чипсами...

Слезы градом хлынули из глаз, изо рта вырвалось невнятное бормотание.

– Ты чего? – сбавил тон Гри.

– Ничего, – разревелась я, – у меня квартира сгорела! Газ взорвался, жить негде! Господи, за что мне такое, за что, за что?!!

– Ну, блин, – в сердцах рявкнул Гри, – живо говори свой адрес, тетеха! Хорош сопلي развешивать! Только день проработала, а уже надоела!

Глава 6

Утром, открыв глаза, я удивилась безмерно. Вместо знакомой трехрожковой люстры глаза натолкнулись на странное сооружение, больше всего напоминающее перепутанные стальные макароны. В полном недоумении я села, машинально оглядела комнату, неудобную, обставленную неудобной мебелью, этакой помесью из гнутых трубок и пластика, потом мгновенно вспомнила, что произошло. Моя квартира погибла, я нахожусь у Гри, он вчера приехал за мной на такси, привез к себе и велел:

– Спи, завтра побеседуем.

Не успело в голове проясниться, как дверь приоткрылась и из коридора донеслось:

– Ну, хорош храпеть! Давай вставай, не фиг матрас продавливать. Одевайся.

– Сейчас, – пролепетала я.

В комнату влетел халат ужасающей красно-зелено-синей расцветки, он шлепнулся на пол, а Гри продолжал командовать.

– Натягивай хламиду, мойся, в ящичке в ванной найдешь новую зубную щетку, и живо на кухню.

Я никогда не надевала до сих пор чужие вещи, женщина моего веса, простите, конечно, за подробность, сильно потеет, поэтому мне, чтобы выглядеть прилично, приходится каждый день стирать блузку. Но вчера я рухнула в кровать, швырнув одежду прямо на паркет, и сейчас она выглядит ужасно.

Я подняла халат, вроде он только что из прачечной, пахнет порошком. Преодолевая брезгливость, натянула на плечи халат и рысью преодолела расстояние до ванной. Гри, очевидно, находился на кухне, по квартире плыл аромат кофе.

Небольшой санузел оказался забит парфюмерией и косметикой, борта ванны украшали шеренги флаконов с шампунями и скрабами, всякими ароматическими маслами, пенами, солями. А у зеркала теснились пузырьки с туалетной водой вкупе с баллончиками дезодорантов. Похоже, в квартире жила еще молодая женщина, а может, даже несколько, потому что, выдвигая ящик «Мойдодыра» в поисках обещанной мне зубной щетки, я обнаружила горы упаковок с прокладками и баночки с кремами для лица, причем для разной кожи, в конце концов показали щетки, штук десять, не меньше, и лежали они в грудке пакетиков с презервативами.

Слегка покраснев, я вытащила одну, привела себя в порядок и вышла на кухню.

– Кофе будешь? – спросил Гри.

– Спасибо, – ответила я.

Дед поставил передо мной кружку с коричневой жидкостью; оценив объем тары, четверть литра, не меньше, я пододвинула к себе сахарницу и мигом получила по рукам.

– Так пей, – рявкнул Гри, – куда тебе сладкое!

Я обомлела, а дедок переместил сахарницу на подоконник и заявил:

– Значит, слушай! Пока ты живешь у меня!

– Это невозможно.

– Молчать! – хлопнул ладонью Гри. – Ишь! Разговорилась! Навсегда селить тебя не собираюсь, не нужна ты мне совсем! Сделаешь ремонт и съедешь!

– У меня нет денег.

– Заработаешь! Имеем заказчика, Андрея Львовича, докажем, что Самсонов его пугал, и огребем хорошую сумму.

– Право, неудобно.

– Кому?

– Ну... вам.

– Мне фиолетово. В качестве платы за проживание будешь убирать квартиру.

– Но... ваша жена...

– Я одинокий, холостяк!

– Там в ванной полно всего дамского, – я решила уличить Гри во лжи.

Дед сверкнул глазами.

– Любопытная слишком, уже по шкафчикам пошарила.

– Вы же сами велели взять новую зубную щетку, – возмутилась я, – вот я ее и искала!

А зачем у вас их столько?

Гри хихикнул.

– Здесь живет мой внук, Аристарх, помнишь его?

– Да.

– У него вечно девки кантуются, через день новую приводит, вот и забил ванную дерьмом.

Утром девчонкам зубы почистить надо? Усекла?

Я кивнула, красавчик Аристарх не зря производит омерзительное впечатление, он, оказывается, беспардонный потаскун. Есть женщины, приходящие в экстаз от доморощенных донжуанов, но я не из их числа.

– Спасибо, лучше я поеду к Этти.

– У твоей свекрови большие апартаменты?

– Ну... сначала они с Мишей жили в «двушке», – зачем-то стала я объяснять Гри, – но потом, когда мы поженились, Этти влезла в долги, купила себе однокомнатную и съехала.

– Значит, она обитает в «однушке»?

– Верно.

– И ты ей на башку свалишься? Ни поспать, ни почитать, ни отдохнуть, ни мужика привести. Ты че, свекровь ненавидишь?

– Наоборот, очень люблю Этти, она моя лучшая подруга!

– Тогда за фигом ей жизнь испортить решила?

У меня не нашлось нужных слов.

– Живи пока тут, – бодро вещал Гри, – четыре комнаты, никому помехой не станешь, заработаешь на ремонт и съедешь.

– Мне Этти денег даст, – непонятно зачем сообщила я.

Дедулька крякнул.

– С какой стати на шее у этой Шмэтти сидишь? Она что, олигарх?

– Нет, конечно, но вполне нормально зарабатывает, нам хватает.

– Нам хватает, – передразнил Гри, – с какой стати она тебя содержать должна, а? Ты че, без рук, без ног?

– Я временно беру деньги, пока работы нет, – отбивалась я.

– Теперь ты имеешь службу, – припечатал дедок, – слезай с чужого горба, если ты и впрямь считаешь свекровь близким человеком, то почему из нее дойную корову сделала?

Я поперхнулась кофе, а потом, покраснев от гнева, выложила Гри историю наших отношений.

– Теперь понял? – перейдя от злости на «ты», завершила я рассказ. – Этти счастлива мне помочь.

– Думаю, она просто хорошо воспитана и не способна сказать: «Отлипни от меня, жвачка», – вздохнул Гри. – Знаешь, почему ты несчастна?

– Нет, – тихо ответила я.

– Да потому, что надеешься: явится кто-то и поможет тебе, вытянет за руку из болота. Но самое интересное, когда этот некто появился, ты струсила, по твоему разумению, сидеть в дерьме и жаловаться на жизнь приятней, чем вылезти из болота. Анекдот про Ивана знаешь? Сейчас расскажу. Жил-был очень верующий Ваня, каждый день молился. Один раз в его деревне случилось наводнение, унесло Ваньку рекой в море, и он давай просить: «Господи,

спаси». Через некоторое время плывет мимо доска и говорит мужику: «Вань, хватайся за меня, выплывешь». – «Э нет, – ответил тот, – меня бог спасет» – и опять давай молиться. Затем ему попалась пустая бочка с тем же разговором, и снова Ванька шанс не использовал, проводил ее взглядом и за свое: «Боженька, выручи», тут возле утопающего дельфин нарисовался, а Ваня его прогнал, страшно же с рыбой связываться. Ну и утонул, предстал перед богом и сердится: «Что же ты меня в беде оставил? Ведь я так тебя о помощи просил!» А господь глянул на дурака и отвечает:

«Я тебе доску, бочку и дельфина отправил, почему шанс не использовал?» Оторопел Ваня и воскликнул:

«Думал, мне господь лично руку протянет».

«Мое дело предоставить шанс, – разъяснил Создатель, – а уж дальше сам должен вертеться».

Поняла, тетеха? Знаешь, как бы на твоём месте я поступил?

Я помотала головой.

– Остался бы у Григория Семеновича, – отпечатал Гри, – спасибо ему сказал, денег заработал, ремонт сделал и только потом Этти про беду рассказал. Сама себя начнешь уважать, и другие то же чувство испытают. Вот он, твой шанс, из дерьма вынырнуть.

– Но Аристарх может быть против моего пребывания в квартире, – прошептала я.

Гри хлопнул в ладоши.

– Молодец! Про внука не думай, не я у него, а он у меня живет. Главное, не лезь к нему в кровать.

– Мне такие парни не нравятся, лишь бы он меня не тронул.

Дедуся захихикал.

– В зеркало глянь, кому ты нужна, прикроватная тумбочка образца сорок второго года. Значит, работаем?

Я хотела было привычно обидеться, оттопырить губу на замечание о тумбочке, но неожиданно ощутила приступ веселья. У нас дома имелась подобная мебель, ей-богу, верное замечание, чем-то я на нее смахиваю, может, унылым видом?

– Ну? – поторопил Гри. – Готова?

– Да, – кивнула я.

– Диктофон я прослушал, пока ты дрыхла, – ажитированно воскликнул дедуська, – наметил план действий. Андрей Львович оставил открытки, на них имеется штамп отделения связи, откуда их отправили. Вот на такой ерунде преступники и попадают, все продумают, а про штампель забудут. Я уточнил, почта находится у метро «Тульская». Поезжай туда, поболтай с сотрудниками, спроси: от них ли отсылали открытки. Если ответят утвердительно, поинтересуйся, не помнят ли отправителя, может, приметили, все-таки он каждый день ходил.

– Я сумею?

– Почему нет?

– Вдруг начнут спрашивать, отчего я им интересуюсь?

– Наври что-нибудь.

– Что?

– Сама придумай! Я тебе за это деньги плачу! – возмутился Гри.

На почту я вошла около полудня. Работало только одно окошко, за ним сидела девушка с усталым лицом. Я положила перед ней открытку, служащая удивленно посмотрела на меня.

– Хотите отправить? Но это невозможно, карточку уже использовали один раз, – медленно сказала она.

– Простите, – вежливо улыбнулась я, – открыточку от вас посылали?

Девушка повертела ее в руках.

– Да, вот видите штамп, а что?

В этот момент из глубины почты вылетела хорошенькая девчонка и уселась возле соседнего окошка.

– Однако, Галя, так не пойдет, – сердито сказала усталая девушка, – ты отпросилась на пятнадцать минут, а отсутствовала три часа.

– Ну и че?

– А я за тебя работай.

– И че, народу все равно нет.

– Так не делают.

– А че? Не злись, Варька.

Варвара повернулась ко мне:

– Открытку отправляли мы. У вас какие-то претензии?

– Нет, нет, – просительно улыбалась я. – Не запомнили случайно, кто ее отправлял?

– Здесь каждый день сто человек толчется, – хмыкнула Варвара, – мне глядеть на всех некогда, да и зачем?

Опоздавшая девчонка, аж подпрыгивая от любопытства, придвинулась к Варе.

– А че тут?

– Сядь на место, Галя.

– А че, я только спросила, че ты злая такая?

– Ничего, – ответила Варя, – не мешай работать. Нет, девушка, никого не помню, а зачем вам?

Недолго думая, я выпалила:

– Видите, здесь написано: «Осталось десять дней»? И гроб нарисован.

– Да.

– Каждое утро я подобные получаю. Кто-то издевается, думаю, бывший муж.

– А че, – ожила Галя, – он у тебя такой, с черной бородой, да?

– Нет, – опешила я, – нормальный, как все.

– Значит, не он, – припечатала Галя.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я.

– А че, я видела его.

– Кого?

– Ну, того, кто отправлял открытку.

Я включила в кармане диктофон и попросила:

– Будь другом, расскажи, пожалуйста, у меня брат есть с черной бородой.

– А че, ниче, – завела Галя, – приходил каждый день, покупал у меня открытку и каждый раз скандалил, прямо извел всю. То ему дайте с синими цветочками, то с розовыми, марки выбирал, словно на всю жизнь покупку делал, и постоянно злился. «Ручка плохая, ластиков нет». Во, за такого замуж выйти! Изведет на мыло! Игорем его зовут, а фамилия Самсонов.

– Откуда знаешь? Он же квитанцию не выписывал! – подскочила я.

Галя сморщилась.

– А че! Он всегда вот тут, на прилавочке, устраивался и бухтел, гадости говорил, поэтому я его так хорошо и запомнила. Всем недоволен был. Открыточки некрасивые, бумага некачественная, рисунок смазанный, ручка не пишет, один раз как рявкнет: «Где вы, девушка, такие духи добыли, воняет словно в клоповнике! Имейте в виду, с людьми работаете, надо быть осторожней в выборе парфюмерии. Дома любовника ждешь, тогда и обливайся дрянью. Меня от этого запаха блевать тянет». Видали такого нахала?

– Так отчего вы решили, что он Игорь Самсонов? – решила я направить разговор в нужное русло.

– А он меня отругал и за телефон схватился, – пояснила Галя. – Из кармана его вытащил да как рявкнет: «Да, Игорь, да, Самсонов! Да, без меня не делайте ничего, хочу в витрину

поставить кожаную мебель». Потом отсоединился и прошипел: «Работнички фиговые. Что на этой почте, что у меня в магазине, у всех вместо головы жопа. Впрочем, в моей заднице больше ума, чем в ваших мозгах». Сказанул и ушел, я прям офигела!

– Что же я его не помню? – удивилась Варя.

– Ты болела гриппом, – пояснила Галя, – я тут одна-одинешенька ломалась и не сердилась. А ты злишься, что я чуток подзадержалась.

– У меня был бюллетень, высокая температура, я не просто ваньку валяла.

– А че...

– Если еще раз скажешь «а че», – взвилась Варя, – я взвою, нет такого слова! Надо говорить не «че», а «что».

– И че? – возмутилась Галя. – Самая умная, да? Че тогда здесь сидишь, а не в правительстве?

– Замолчи!

– А че, че хочу, то и болтаю.

Продолжая краем уха слушать перебранку, я выключила диктофон и отправилась назад. Даже мне стало понятно: дело закончено.

Внимательно выслушав запись, Гри схватился за телефон и после пятой неудачной попытки соединиться с абонентом воскликнул:

– Черт возьми, они там что, удавились на шнуре, аллю, аллю!

Дозвониться ему удалось только через полчаса.

– Добрый день, – засюсюкал Гри, мигом изменив гнев на милость, – мне бы Игоря Самсонова, вот дали номерок приятели, ремонт делаю, мебель меняю, хочу узнать, есть ли скидки...

Очевидно, Надежда сказала, что мужа нет дома, потому что Гри весьма правдиво изобразил удивление.

– Да? Я попал в квартиру? Думал, номер принадлежит мебельному магазину. Не подскажите, как связаться с Игорем Самсоновым? На работу позвонить? Спасибо, спасибо, извините еще раз, дайте уж заодно адресок торговой точки. У метро «Октябрьское Поле»?

Повесив трубку, Гри повернулся ко мне.

– Слышала? Действуй.

– Что делать надо? – не поняла я.

– Как это? – возмутился Гри. – Не сообразила? Ну тетеха! Езжай к метро «Октябрьское Поле», недалеко от него есть мебельный магазин, вот адрес. Поглядишь на хозяина, сфотографируешь его, потом на рысях слетаешь на почту, покажешь этой Гале снимок и домой. Нам нужно точно знать, что открытки отправлял именно Игорь, а не кто-то, использовавший его имя.

– Как же я его фото получу, – недоумевала я, – с чего бы мне просить директора магазина позировать перед объективом?

Гри вытащил из стола небольшую квадратную коробочку.

– Ну-ка, открой да погляди.

Я послушно выполнила приказ.

– Что это? – спросил Гри.

– Пудреница, – ответила я.

– Хорошо, теперь возьми пуховку и повозюкай ею по морде.

– Не мой цвет, это тон загар.

– Делай, что велю.

Я покорно поводила пуховкой по носу и подбородку.

– Хорошо, – сказал Гри, – теперь положи на место, нажми пальцем на спонжик, а после переверни пудреницу и открой нижнюю крышку.

Я послушно выполнила все действия и ахнула, внизу обнаружился довольно четкий портрет Гри.

– Это фотоаппарат, – вырвалось у меня.

– Дошло наконец! – вздохнул Гри. – Доползло, как до жирафа. Экая ты, право, малосообразительная. Именно что фотоаппарат, отличная японская штучка, такую сейчас легко купить, у меня еще звукозаписывающая ручка есть! Придешь в магазин, попросишь показать... Э... ну... красное кожаное кресло, придерешься к продавцу, потребуешь директора, в общем, вперед, тетеха.

Глава 7

Возле метро «Октябрьское Поле» клубилась толпа. Глядя на снующих туда-сюда людей, я пошла по улице, свернула направо, потом налево. Похоже, в нашей стране никто не работает! Народ сейчас должен тосковать на службе, а люди носятся по улицам, причем сразу видно, что никуда не торопятся, глазают на витрины, жуют хот-доги и блинчики. Внезапно мой рот наполнился слюной, а желудок противно сжался. Ноги сами собой поднесли меня к будке, где торговали сосисками, но тут глаза наткнулись на вывеску: «Мебель для всех». Тяжело вздохнув, я вошла в магазин. Покойная бабуля всегда приговаривала: сделал дело, гуляй смело. Эта простая истина с детства намертво вбита в мою голову.

В торговом зале, сплошь забитом диванами, креслами, столами и стульями, не наблюдалось никого из покупателей. Три продавщицы собрались около компьютера в отделе, где продавались кухни.

– Хотите чего? – спросила одна, окинув оценивающим взглядом мою фигуру, одетую в дешевый мятый костюм. – Мебель желаете купить? Мы к вашим услугам.

– Где Игорь Сергеевич? – я решила сразу хватать быка за рога.

– Хозяин в кабинете, вон по тому коридору до самого конца, – ответила продавщица и, потеряв ко мне всякий интерес, вновь уставилась в экран, где метались какие-то разноцветные фигурки.

Радуюсь, что все отлично складывается, я дошла до двери кабинета, сначала постучалась, а потом открыла створку.

– Можно?

– Да, да, входите, – ответил мужчина самого обычного телосложения. В его облике не имелось ничего примечательного, встретив такого на улице, не остановишь на нем взгляд. Единственное, что отличало парня от остальных мужиков его возраста, это густая черная борода, широкая, окладистая, аккуратно подстриженная, над верхней губой торчали такого же цвета усы.

– Слушаю вас, в чем проблема? – поинтересовался хозяин.

Я растерялась: что ответить на простой вопрос? Зачем пришла? Мне сначала показалось, что задание Гри легко выполнить. Войти в кабинет, щелкнуть пудреницей и убежать, но сейчас я внезапно сообразила, как глупо будет выглядеть такое поведение. Ну, представьте себе на минутку, к вам влетает девушка, молча поправляет макияж, пудрит нос и уносится прочь.

– Так чем я могу вам помочь? – продолжал настаивать Игорь Сергеевич.

– Красное кожаное кресло, – выпалила я, вспомнив указание Гри.

– Во втором зале, у окна, – спокойно ответил владелец салона, – спросите у продавцов.

Я покорно пошла назад, зачем-то полюбовалась на кресло и вернулась к директору.

– Ну, – улыбнулся тот, – подходит?

– Нет, – ответила я, – ваши бордовые, а я хочу красное, яркое, такое, как пожарная машина.

– Возьмите у продавцов каталог, – посоветовал Игорь Сергеевич, – если найдете нужный вариант, закажем прямо из Италии, но будет дороже.

– Плевать на деньги, – я решила продолжить удачно начатый диалог.

– Тогда обратитесь к менеджерам.

Я вновь выползла в торговый зал, девушки, призванные торговать мебелью, столпились у компьютера, азартно щелкая мышкой.

– Тебе тут не пройти, жизнь потеряешь, – вскрикивала одна.

– Не, здесь надо три раза «кликать», – отозвалась другая.

На меня никто решительно не обращал внимания, постояв пару секунд, я вернулась назад.

– Уже оформили? – удивился Игорь Сергеевич.

– Нет.

– Что так?

– Каталог не видела.

– Почему?

– Там продавцы в компьютер играют, не хотела их отвлекать.

Хозяин сердито ткнул пальцем в какой-то аппарат, стоящий на столе.

– Слушаю, – незамедлительно донеслось оттуда.

– Иди сюда!

Через секунду появилась та девушка, которая щелкала мышкой.

– Рита, – гневно заявил хозяин, – уволю!

– За что? – попяtilась девчонка. – Что я сделала не так?

– Именно, что ничего, – парировал хозяин. – Клиентка ко мне без конца с вопросами бегает, а вы у монитора развлекаетесь. Живо покажи каталог даме, она хочет заказать из Италии красное кожаное кресло.

– Пойдемте, – чуть ли не кланяясь, пробормотала продавщица.

Делать нечего, пришлось листать глянцевые страницы в поисках кресла, к счастью, такого не нашлось, и я снова вернулась к Игорю.

– Нет, ничего похожего.

Самсонов развел руками.

– Могу предложить эксклюзивный вариант, одно из изделий специально для вас обтянут красной кожей.

– И сколько будет стоить заказ?

– Около двух тысяч долларов, – спокойно ответил торговец. – Сделают за пару недель, доставка по Москве за наш счет, предоплата семьдесят процентов!

– А хорошо получится? – кривлялась я, судорожно думая, когда вынуть фотоаппарат.

Честно говоря, я редко накладываю макияж, только тогда, когда это крайне необходимо, привычки постоянно «подправлять» лицо у меня нет.

– Качество гарантирую, – улыбнулся Игорь Сергеевич.

И тут я решилась, небрежным жестом вытащила пудреницу и... уронила ее. Крышка раскрылась, порошок цвета загара рассыпался по серому ковру.

– Извините, – залепетала я, подбирая коробочку, – напачкала тут...

– Ерунда, – отмахнулся хозяин, – так как? Начнем оформлять заказ?

Я открыла пудреницу, нажала на пуховку и пробормотала:

– Да.

Мне показалось неприличным уйти просто так, хозяин потратил столько времени на «клиентку».

– Отлично, – улыбнулся Игорь Сергеевич, – Рита все сделает. Оплату принимаем в рублях, поздравляю, вы сделали отличный выбор, на сегодняшний день мы предлагаем лучшие цены.

Потом, улыбнувшись еще раз, он уставился в бумаги. Я осторожно глянула в торговый зал. Рита, забыв о взбучке, полученной от хозяина, вновь сидела у компьютера. Страшно обрадовавшись, я прошмыгнула мимо продавщиц, понеслась к метро и вздохнула с облегчением только на станции. Оглянувшись по сторонам, я села на скамеечку и вытащила из фотоаппарата снимок. Игорь Сергеевич получился отлично: роскошная борода, усы и маловыразительная верхняя часть лица. Я сунула фото в сумочку, мне не нравятся мужчины с растительностью на лице. У таких кавалеров небось после еды в бороде застревает куча крошек. Вот еще

интересно, они моют бороду? Как умываются сами? И не мешает ли буйная растительность спать? Небось летом от волос на лице жарко!

По дороге на почту меня озарило, и я, в порыве вдохновения, купила в ларьке шоколадку.

В отделении на этот раз была одна Галя.

– И че, – спросила она, – опять прибегла?

– Это тебе, – сказала я, кладя на прилавок плитку.

– Че?

– Возьми.

– За че?

– Так просто, – пожала я плечами.

– Не ем сладкое, – невозмутимо ответила Галя, – приволоки ты мне бутылочку пива, спасибо непременно скажу, а от конфет прыщами иду, прямо крючит от них, аллергия, слыхала про такую болячку?

– Извини, не знала, – сказала я и убрала шоколадку в сумку.

– Ты че, забираешь?

– Так ведь аллергия...

– Ниче, оставь, племяншке снесу.

Я вернула плитку на место, вытащила фото и сунула Гале под нос.

– Это че?

– Узнаешь?

– Че?

– Ну, парня видишь?

– Где?

Я постаралась не разозлиться, похоже, поговорку «С ним, не пообедав, не договориться» сложили про Галю. В желудке заурчало, ох, зря я вспомнила про еду!

– Где? – тупо повторила девчонка.

– На снимке.

– А че... Ниче...

– Значит, не он, – расстроилась я.

– Кто?

– Сама же вчера говорила: открытки отправлял, такой с бородой, противный, все ругался, Игорь Самсонов... Это его фото. Выходит, перепутала ты, не он сюда ходил?

– Да ну, – протянула Галя, – отчего не он? Ровно как живой выглядит, тот самый и есть. Очень хорошо морду противную запомнила, отвратный мужик! Ваше бородатые мне не по кайфу, с ним не поцелуешься.

Я кивнула:

– И мне не нравятся, а ты уверена, что на фото Самсонов?

– Чтоб мне пропасть! – поклялась Галя.

Страшно довольная я принеслась к Гри и вручила дедушке диктофон, фотоаппарат и снимок.

– Отлично, – кивнул тот, – можешь выпить чаю, сахар не ищи, я его выкинул.

Где-то через полчаса Гри крикнул:

– Ну, бегом в кабинет!

Я полетела на зов.

– Садись сюда, – приказал Гри, – и слушай внимательно. На мой взгляд, дело обстоит так. Андрей Львович обманул Самсоновых, а Игорь Сергеевич решил отомстить репетитору. Начал посылать открытки, желая испугать мужика, и преуспел. Андрей Львович небось не спал последнюю неделю, но, учитывая, как педагог поступил с Самсоновыми, поведение Игоря Сергеевича вполне понятно. Вот только он навалил глупостей, отправлял дурацкие открытки

из отделения возле своего дома. Коли имеешь столь приметную внешность, следует быть более бдительным. Ну, отъехал бы куда-нибудь в Митино... Как тебе мои рассуждения, понятны?

Я кивнула, мне и самой пришли в голову похожие мысли.

– Значит, дело раскрыто, – подвел итог Гри. – Мы с тобой можем представить доказательства. Есть свидетель, Галя эта, которая опознает Игоря Сергеевича. Отлично, долго не мучились. Впрочем, эта история малоинтересная, все очень просто. Я за нее никогда бы и не взялся, только деньги нужны, заказов давно не было, поиздержался я чуток. Ясно?

Я вздохнула.

– Да.

– Ну и отлично, – сказал Гри, – сейчас объявим клиенту, что он может явиться к восьми вечера и заплатить по счету.

Он схватил телефон, потыкал в кнопки, подождал минуту и пробормотал:

– Мобильный выключен.

– А ты домой попробуй, – посоветовала я и удивилась. Обычно я трудно схожусь с людьми, всегда говорю недавним знакомым «вы», но с Гри мгновенно, очень легко, несмотря на его возраст, перешла на «ты».

– Небось он на работе, – ответил Гри, но послушался меня и через секунду сказал: – Добрый день! Можно Андрея Львовича? Что?!! Когда?!! Не может быть!!! Господи!

Повесив трубку, Гри уставился на меня, я поежилась.

– Случилась беда?

– Случилась, – мрачно повторил Гри. – Андрей Львович погиб. Его сначала избили до неузнаваемости, а потом сбросили в пруд. Подробностей я не знаю. Убил его он!

– Кто? – оторопело поинтересовалась я, а потом добавила: – Значит, деньги мы не получим?

– Нет, – сообщил Гри, – мы остались без гонорара. Но я сидеть сложа лапы не стану!

Он снова схватился за телефон.

– Федя, можешь срочно приехать? Разговор есть.

Очевидно, неизвестный мне мужчина начал отнекиваться, но Гри неожиданно сказал:

– Вчера вечером из пруда в районе кинотеатра «Буран» вытащили тело Андрея Львовича Калягина, похоже на висяк. Скорей всего, тот, кто станет заниматься этим делом, сочтет, что Калягина ограбили, избили, а потом, чтобы спрятать концы в воду, извини за глупый каламбур, утопили труп. Но я знаю точно личность убийцы... Вернее, владею информацией, кто нанял киллера, потому что мерзавец не станет сам пачкаться и небось запасся алиби.

Повесив трубку, Гри потер руки:

– Сейчас явится.

– Кто? – поинтересовалась я.

– Мой добрый знакомый, Федор Симонов, он служит в МВД, при чинах и званиях, отличный профессионал, – хмуро ответил Гри, потом помолчал и добавил: – Ты всегда ходишь в мятых и засаленных вещах? Привыкла шлаться грязнулей? Придется измениться, ты не должна привлекать к себе внимание ни вычурной одеждой, ни бомжеватым видом.

Я покраснела. Я очень аккуратный человек, приучена каждый вечер принимать душ. Гардероб мой, скучный и немодный, всегда выстиран и отглажен. Но вчера я, отупев от переживаний, рухнула кулем в кровать, забыв сбегать в ванную. К тому же у меня нет сменных вещей: немудреная косметика, обувь и шмотки испорчены сажей.

Гри прищурился, потом швырнул на стол несколько купюр.

– В магазин ступай, – велел он, – за углом есть промтоварный, хорошими вещами торгует, купи нормальные шмотки.

– Дорогие небось, – вздохнула я, отчего-то не возмущившись бесцеремонным приказом.

– Ничего, – отмахнулся Гри, – ты теперь моя служащая и обязана выглядеть прилично, усекла? Значит, так, приобретешь одежду, а мне принесешь чеки.

– Боитесь, что я обману вас и скажу завышенную цену? Простите, но я честный человек и...

– Не хочу, чтобы сэкономила, набрала дерьма, а мне потом соврала, будто все средства на прикид потратила, – рявкнул Гри.

– Я никогда не вру! – возмутилась я. – Деньги могу взять лишь в долг, получу зарплату и отдам, не сомневайтесь.

– Да? – вздернул брови дедулька. – Ну-ну! Слышь, честный человек, оплати себе еще и телефон.

Я пошла в магазин. В голове крутились самые разнообразные мысли. Вообще-то я очень обидчива, со многими людьми рассорилась из-за чепухи, из подруг осталась одна Этти. На нее обижаться не получалось. Теперь, похоже, в моей жизни появился еще один человек, с которым невозможно поругаться. Вроде Гри делает нелицеприятные заявления в мой адрес, а злости у меня на него нет.

В торговом зале я привычно подошла к 56-му размеру, выбрала платье, юбку, пиджак, блузку и отправилась в примерочную кабинку. Там меня ожидал сюрприз: отобранная одежда оказалась мне велика. Она крутилась на талии и спадала с плеч.

– Простите, – подозвала я продавщицу, – это платье пятьдесят шестого размера? Наверное, я ошиблась и схватила пятьдесят восьмой.

Продавщица посмотрела на бирки.

– Нет, все правильно, вон написано, видите – цифра 56.

– Но оно мне велико!

– Конечно, у вас пятьдесят четвертый, а может, даже и пятьдесят второй.

– Нет, нет, я хорошо знаю свои габариты, – растерянно пробормотала я.

– Значит, вы похудели, – улыбнулась продавщица и протянула вешалку. – Попробуйте это, возьмите поярче, вам пойдет.

Я покорно влезла в предложенную вещь и ахнула, платье сидело словно влитое, у меня невесть откуда появилась талия. В полном шоке я оплатила обновку и прямо в ней пошла домой, прихватив на кассе карточку экспресс-оплаты для телефона.

Осторожно открыв ключом, полученным от Гри, дверь, я живо шмыгнула в ванную, если мне не изменяет память, я видела там сегодня в углу весы.

И точно, вот они! Быстро раздевшись, я встала на холодный пластик, глянула на выскокившие в окошечке цифры, потерла глаза, потрясла головой и снова взвесилась: 79.500. Точный прибор показывал вес в граммах. Я села на край ванны и призадумалась.

С юношеских лет я иступленно борюсь с лишними килограммами. Мною испробованы все возможные и невозможные диеты, о которых пишут в газетах и журналах. Французская, когда предлагалось питаться крутыми яйцами и кефиром, датская, предписывающая завтракать, обедать и ужинать селедкой, итальянская, предлагающая лакомиться одними макаронами без масла, кетчупа и соусов, русская, китайская, белковая, безбелковая, арбузная, виноградная, волшебные рецепты Софи Лорен и Наталии Фатеевой...

В результате героических усилий я потеряла несколько килограммов, максимум пять. Но стоило мне, обрадовавшись, начать наворачивать любимую гречневую кашу и творог со сметаной, как ненавистный жир вновь оседал в филейной части.

Однажды, уже будучи замужем, я обратилась к доктору. Тот объяснил мне, что все диеты сплошная ерунда, генетику не сломаешь, из его слов выходило, что я обречена существовать в качестве слоновой туши.

Я в слезах явилась домой, вытащила альбом с семейными фото и уставилась на них. Вот мы с родителями в Крыму. Полная мама, упакованная в купальник, похожий на чехол для

танка, дородный папа с огромным животом и покатыми плечами в семейных трусах до колен, а между ними девочка – пампушечка, абсолютно кругленькая, похожая на пончик. Яблоко от яблони недалеко падает, от осинки не родятся апельсинки, медведица не принесет волчонка... Какая еще народная мудрость имелась по сему поводу? Я ворошила глянцевого снимки; тоненькой, изящной, субтильной, как Эtti, не стану никогда. Внезапно вспомнился снимок, который стоит у свекрови в спальне, на нем запечатлены худощавые, подтянутые мужчина и женщина, одетые в горнолыжные костюмы. Да, Эtti просто повезло, ее родители весили меньше, чем один мой отец.

С тех пор я перестала бороться с весом, просто смирилась с имиджем толстухи. Надежда обрести стройность неожиданно затеплилась некоторое время назад. Одна из моих коллег по прежней работе, Нина Ефимова, ушла в отпуск коровой, а вернулась ланью. Естественно, все начали задавать вопросы. Нинка, загадочно улыбаясь, отвечала:

– Я просто теперь не ем после шести вечера, и вот результат.

Я поверила Ефимовой и тоже решила ввести «комендантский час», однако особых изменений в своей фигуре не заметила, более того, спустя три недели издевательств над аппетитом упала в обморок прямо на рабочем месте. Хорошо хоть большая часть конторских сплетниц сидела в тот момент в столовой. Меня привела в чувство все та же Ефимова.

– Ты не беременна ли? – с заботой воскликнула Нина. – Бледная ходишь.

– Похудеть хочу, – призналась я. – Вот и не ем почти ничего, по твоему пути иду.

Нина вздохнула и вытащила из сумки упаковку.

– Вот, – сказала. – Так и быть, скажу правду. Это ксеникал, специальный препарат, он ограничивает всасывание пищевых жиров, от этого и стройнееешь. Очень просто! Только нашим змеям не проговорись, я с ними информацией делиться не хочу.

– А не опасно? – с сомнением поинтересовалась я.

– Не с рук покупаю, – пояснила Нина. – В аптеке беру. К тому же мне ксеникал назначил врач. Делают лекарство в Швейцарии. Впрочем, сейчас имеются разные медикаменты для теток нашей комплекции, желающих стать тростинками. Но у ксеникала есть преимущества...

– И какие же? – пробормотала я, борясь с головокружением.

– Ну, во-первых, он изучен и проверен. Его принимают всякие знаменитости типа голливудских актеров, сама понимаешь, они себе плохого не хотят. Но, самое главное, ксеникал помогает удерживать полученный вес. А то как бывает: потеряла семь кило, а через месяц они назад вернулись и с собой еще парочку друзей прихватили. Да сама попробуй, на меня глянь и не сомневайся – стопудово подействует.

В моей душе подняла голову надежда, я сунула в сумочку пустую коробочку с надписью «Ксеникал», которую дала мне Нинка, и решила завтра же пойти к доктору.

Но назавтра мне сообщили об увольнении, и в голове поселились иные мысли, стало не до фигуры. С тех пор я живу в постоянном стрессе, пытаюсь устроиться на приличное место. Одно хорошо, стрелки весов всегда колебались вокруг цифры 90, отклоняясь туда-сюда максимум на килограмм. И вот теперь я потеряла целых десять кило! И всего за несколько дней! Интересно, почему? Может, дело в том, что я почти ничего не съела за последнее время? Два пирожка с мясом, проглоченные вчера, и утренний кофе без сахара не в счет.

В полном изумлении от произошедшей метаморфозы я встала под душ, вымыла голову, затем высушила волосы феном, натянула новое платье и явилась к Гри.

Хозяин оказался в комнате не один, в кресле сидел незнакомый мужчина.

– Простите, что помешала, – испугалась я, пятясь назад.

Гри окинул меня цепким взглядом и произнес:

– Знакомься, Федя, это Таня, Таня, это Федя.

Незнакомец, довольно молодой, лет тридцати пяти, не больше, был толстым, похожим на медведя.

– Очень приятно, – сказал он.

Я кивнула и прикусила нижнюю губу, неожиданно мне стало смешно. Однако мы с этим дядькой отличная парочка, два слона в посудной лавке.

– Ладно, Гри, – крикнул Федор, – спасибо тебе, сегодня же этого Самсонова арестуют.

– Вот видишь, – воскликнул дедуська, – и от меня есть польза!

– Ты знаешь мою позицию, – начал было Федор, потом осекся и замолчал.

Его большие карие глаза стали бесцеремонно ощупывать мою фигуру.

– Ты чего стоишь? – повернулся ко мне Гри.

– Указаний жду, – бодро ответила я.

– Иди отдыхай, – буркнул хозяин.

Глава 8

Я добралась до комнаты, где мне предстояло прожить некоторое время, активировала телефонную карточку и позвонила Этти.

– Да, – закричала свекровь.

– У тебя больше не болит голова?

– Танюша! Живо говори, какие новости? – воскликнула Этти.

Я набрала полную грудь воздуха и выложила свекрови про взрыв и пожар.

– Ужас, ужас, ужас, – шептала мать Миши, – господи, какое счастье, что тебя не было дома!

Потом она пришла в себя и затараторила:

– Немедленно приезжай ко мне! В тесноте, да не в обиде.

– Спасибо, – ответила я, – но... не надо.

– Танюш, – зазвенела Этти, – не дури, где жить станешь?

– Ну... э... – замямила я, очень хорошо помня приказ Гри о неразглашении тайны работы у частного детектива, – тут, понимаешь... в общем...

– Говори прямо, не мямли, – стала сердиться подруга, – где сегодня ночевала?

– У одного человека.

– У кого? – изумилась Этти. – Тебя соседи к себе пригласили?

– Нет.

– Тогда кто?

– Один мужчина, – ляпнула я и тут же спохватилась.

Боже, ну и глупость я сморозила, сейчас Этти швырнет трубку и больше никогда не станет со мной общаться. Оно и понятно, какой свекрови понравится подобный поворот событий, вдова сына нагло заявляет о том, что провела ночь с другим. Надо немедленно, пока Этти молчит, сообщить ей правду: меня приглубил безумный дед, родившийся во время Крымской войны, свидетелем которой был Л.Н.Толстой.

Но не успела я раскрыть рот, как Этти заголосила:

– Ой, ну наконец-то! Сколько можно тосковать! Давно пора отыскать себе кавалера! Кто он? Чем занимается? Сколько лет? Был ли женат? Имеет ли квартиру? А еще ты мне ничего не рассказала о найденной работе! Сгораю от любопытства! Умираю! Таня! Эй, отзовись!

В голосе Этти кипела радость вперемишку с восторгом, мне стало неудобно от того, что придется обманывать единственную подругу.

– Давай приезжай немедленно, – ликовала Этти, – потреплемся!

– Хорошо, – согласилась я, – сейчас соберусь.

Поколебавшись пять минут, я пошла к Гри.

– Можно мне сходить в гости?

– К кому? – удивился хозяин, сидевший у стола в одиночестве, Федор, очевидно, ушел.

– К свекрови.

– Валяй, – разрешил Гри, – все равно мы в простое. Этак скоро милостыню в метро начнем просить или от голода окочуримся...

Я позвонила Этти, сообщила ей, что приеду через час, вышла на улицу, купила торт и двинулась на Новослободскую улицу, где в самом конце, почти у Савеловского вокзала, живет в огромном сером доме моя свекровь.

Выйдя из метро, я села в троллейбус, докатила до нужной остановки и, привычно проигнорировав подземный переход, пошла через дорогу в неположенном месте. Конечно, нехорошо поступать подобным образом, но Новослободская улица, большая, широкая, была полу-

пустой, редкие автомобили катили в сторону центра, а к вокзалу не спешил никто. И вообще, когда иду к Эtti, я всегда пересекаю магистраль тут.

Я осторожно ступила на проезжую часть, бдительно огляделась по сторонам и двинулась вперед. Почти половину дороги я преодолела без проблем, но тут вдруг откуда-то из-под эстакады выскочили старые помятые «Жигули», заляпанные грязью по самую крышу. Автомобиль летел прямо на меня, но я сначала не испугалась. Новослободская улица просторная, пустая, давала водителю массу возможностей для маневра, объехать пешехода было легко даже тому, кто в первый раз сел за руль, поэтому я спокойно продолжила путь. Но «Жигули» катили прямо на меня, я побежала. Авто вильнуло следом, мои ноги понеслись вперед, тачка со страшной скоростью нагоняла. Поняв, что за рулем сидит либо пьяный, либо наркоман, я припустила стрелой к спасительному тротуару, но смерть на колесах настигала. Ни разу в жизни я не бегала с такой скоростью, но, с другой стороны, за мной никогда еще не гонялся автомобиль с обезумевшим шофером.

Ступив на пешеходную зону, я перевела дух, а зря, «Жигули», ловко перелетев бордюрный камень, оказались тоже на тротуаре. В полном ужасе, сообразив, что меня сейчас раздавят, я рванулась вперед, наскочила на огромную витрину магазина игрушек. Послышался звон, мелким дождем посыпались осколки, я, не понимая как, оказалась внутри небольшой торговой точки. Вокруг забегали люди, они разевали рты, махали руками, но я абсолютно не слышала никаких звуков, словно смотрела немое кино. Откуда ни возьмись появились два милиционера, врач в белом халате, в руку впились иглы.

– Ужас, – вскрикивала одна продавщица, – мы видели, как за ней гнались!..

– Убивать пьяных за рулем надо! – кипятилась другая.

– Разбила витрину, – пролепетала я, – извините, наверное, она дорогая, скажите, сколько стоит, обязательно расплачусь, только не сразу, по частям.

– Да забудь о стекляшке, – отмахнулась женщина лет сорока, – главное, жива осталась. Ну и шустрая ты, другая бы упала.

– И даже торт не помяла, – обрадованно воскликнула девушка в розовой кофточке.

Я посмотрела на коробку. Действительно, вот смешно, я неслась по дороге, пыталась убежать от смерти, а лакомство не выронила. Торт в целости и сохранности пережил приключение.

– Спокойно, граждане, – заявил один из милиционеров, – давайте по порядку.

Через десять минут выяснилось, что описать машину не может никто.

– Номер запомнили? – спросил представитель правоохранительных органов.

Я растерянно помотала головой.

– Нет, я просто убегала прочь.

– Кто за рулем сидел, – настаивал патрульный, – описать способны?

Я пожала плечами:

– Человек...

– Ясное дело, не кролик, – вздохнул сержант, – мужчина, женщина?

– Не знаю, вот цвет помню: черный автомобиль, – промямлила я.

– Не, – влезла в разговор одна из продавщиц, – просто жутко грязный, зеленый он был.

– Ты чего, Ната, – вступила другая девушка, – красный, я четко видела.

– Зеленый, – настаивала Ната.

– Красный.

– Зеленый!

– Красный!!! И не «ВАЗ» вовсе, а иномарка.

– Зеленые «Жигули», грязные до жути, – настаивала Ната.

– Красная иномарка, а вот что грязная, так это точно.

– Хорошо, хоть вы обе уверены, что тачка была немытой, – усмехнулся дознаватель.

– Извините, – ожила я, – ничего не запомнила.

– Обычное дело, – отмахнулся парень, – не зря говорят: врет, как свидетель.

– Меня хотели убить, – выдохнула я.

Милиционер улыбнулся.

– У вас миллион в швейцарском банке?

– Нет, – растерянно ответила я, – я совсем не богата, а при чем тут деньги?

– Зачем вас жизни лишать, если наследство не оставите, – улыбнулся парень. – Водитель был или пьяный, или обкуренный, сейчас, к сожалению, таких полным-полно. А может, в карты проиграл.

– Как это? – любопытствовала Ната.

Патрульный закрыл планшет, в который записывал показания свидетелей.

– Очень просто, собрались братки повеселиться, разбросали картишки, а на кон поставили чью-то жизнь. Ну, договорились, тот, кто проиграет, должен задавить на улице первого попавшегося.

– Какой ужас, – помертвевшими губами прошептала я.

– Отморозки, – спокойно ответил милиционер, – вам повезло, что в витрину вошли, вот только поцарапались чуток, а могли сейчас в мешке лежать, так что бога благодарите, считайте, родились второй раз.

К Этти я не пошла. С одной стороны, не хотелось пугать подругу, с другой, я ощутила себя совершенно больной, ноги тряслись, к глазам подступали слезы, желудок сжимала ледяная рука. Слегка отдышавшись, я попросила у продавщицы разрешения воспользоваться телефоном магазина, пару раз попала не туда и наконец, услышав «алло», произнесенное знакомым голосом, сказала:

– Прости, не получается свидеться.

– Почему? – расстроилась Этти.

– Работы много, хозяин не отпускает.

– Жаль, – еще сильнее огорчилась Этти, – может, в среду, а? Кстати, что будешь делать с квартирой?

– Не знаю, – растерянно ответила я, – пойду в домоуправление, наверное, там подскажут, где строительную бригаду найти.

– Продай ты ее, – посоветовала подруга, – такой ремонт потребуется, умереть – не встать!

– Кто же купит разрушенные хоромы, – вздохнула я, глядя, как продавщицы затягивают разбитую витрину брезентовым полотнищем.

– Есть у меня одна приятельница, – оживилась Этти. – Ладно, явишься в среду, побалакаем.

Я повесила трубку. Ну что бы я делала без Этти, та постоянно ухитряется найти выход из безвыходного положения. Впрочем, реакция свекрови не удивила меня, изумило собственное поведение: еще в понедельник, оказавшись в такой ситуации, как сейчас, я мигом бы зарыдала и потребовала от Этти прибежать в магазин с сумкой, заполненной успокоительными средствами. Но сегодня я вдруг подумала, что Гри прав, я была редкостной эгоисткой, если человек любит тебя, не стоит заваливать его своими проблемами. Нет, теперь я стану жить иначе, в конце концов, надо беречь Этти от негативной информации. Узнав о том, что невестку чуть не убил пьяный отморозок, свекровь свалится с сердечным приступом.

Домой я явилась вечером, провела, приходя в себя, в магазине пару часов, потом еле побрела к метро, доехала до дома Гри и минут пять трезвонила в дверь, но никто не спешил открыть мне. Сообразив, что в квартире пусто, я вытащила выданные мне Гри ключи и, провозившись некоторое время с незнакомым замком, оказалась дома. В помещении царила полная тишина, мне сразу захотелось есть. Быстро вымыв руки, я понеслась на кухню и распахла холодильник: ничего. Абсолютно пусто. Обычно говоря: «У меня нет продуктов», женщины очень хорошо знают, что кое-что из съестного все же имеется. В шкафчике обнаружится

баночка-другая консервов, пакетики с быстрорастворимым супом, сухарики, а в холодильнике найдется сухой кусок сыра и просроченный пакет кефира, но ведь особой беды, если выпить его, не будет.

Но сейчас я увидела абсолютно пустые полки. А на дне пластиковых ящиков для овощей лежала только пара листов мятой бумаги.

Решив не сдаваться, я кинулась шарить по шкафчикам и вновь обнаружила пустоту. Гри не хранил ни крупу, ни макароны, ни сгущенку.

Есть хотелось отчаянно, желудок то поднимался к горлу, то падал вниз, я захлопнула дверцы и, приметив возле чайника пачку с заваркой, решила выпить чаю.

Взяла упаковку, под ней обнаружила записка:

«Сахар не ищи, его нет, лучше ложись спать, когда дремлешь, голод тоже спит. Твой симпомпончик Гри».

Гнев бросился в голову: ну какое право хозяин имеет издеваться над служащей? Хорошо, я обязана выполнять его требования, исправно работать, но, простите, вопрос об ужине способна решить самостоятельно! Ну, Гри, погоди! Очень хорошо помню, что около подъезда стоят два ларька, набитые всякой всячиной, слава богу, сегодня в Москве проблем с едой не наблюдается!

Сердито насупившись, я спустилась вниз, увидела железную будку, оглядела нехитрый ассортимент и велела продавцу, тощему, наглому парню без передних зубов:

– Дайте две упаковки лапши.

– А нету, – протянул «красавец».

– Вот же она, в стаканах.

– Это муляж, пустые коробки, – лениво отозвался юноша.

– Ладно, – решила не расстраиваться я, – тогда пакетики с супом, лучше грибным.

– Кончились.

– Печенье.

– Какое?

– Любое.

– Нема, – тупо отвечал торговец, – ваще ничего, машина сегодня не пришла, пустой куку, – впрочем, водка имеется.

– Нет, спасибо, пей сам, – рявкнула я.

– Еще вода в наличии, – не обиделся парень, – минералка, без газа.

– Вообще пусто в ларьке?

– Угу.

– Даже сахара нет?

– Ага.

Внезапно я ощутила безмерную усталость, никаких сил топтать триста метров до следующей торговой точки не было. Может, пойти и лечь спать? Я уже было сделала шаг к подъезду, но тут новый приступ голода перепоясал желудок, в ту же секунду на меня накатило раздражение. Я не способна заснуть не поужинав как следует, привыкла хорошо есть на ночь, люблю полакомиться перед тем, как лечь, кашей с вареньем, оладушками, сосисками с картошкой, на худой конец могу проглотить булочку. Если подогреть сдобу в духовке, потом разрезать пополам, щедро намазать маслом, посыпать сахаром... ммм... Попробуйте, это очень вкусно, намного лучше и дешевле любого пирожного, уж поверьте мне.

Я развернулась и пошла вперед.

– Эй, Таньк! – донеслось из ларька.

– Вы мне? – удивившись, обернулась я.

С другой стороны, изумляться нечему. Крикните на улице «Таня», и обернется пять женщин из десяти.

– Ясное дело, – зевнул продавец, – тебя же Таней зовут? Муж мне фотку показал, я хорошо лицо запомнил.

– Какой муж? – изумилась я.

– Твой, тот, что запретил харчи продавать, – понизив голос, сообщил ларечник. – Пришел часа два назад и говорит...

Я вытаращила глаза, а юноша, шепелявя из-за отсутствия зубов, выдал невероятное.

Около восьми вечера к его будке подошел старикашка, маленький, худенький, с лицом, почти полностью прикрытым бородой и усами.

– Слышь, внучок, – довольно бодро отчеканил он, – кто, кроме тебя, в нашей округе жрачкой ночью торгует?

– Славка, – пояснил продавец, – чуть вперед пройдите, там еще один ларек стоит, только, если чего у меня не увидели, не надо ноги ломать, хозяин у нас один, продукты разом в две точки привозят.

– Значит, Славка, – уточнил дедок, – а какое у тебя имечко?

– Гена.

– Красиво родители назвали, – протянул дедушка. Ему явно было нечего делать, встречаются такие пенсионеры, погибающие от скуки.

Гена же весь день прыгает у окошка, и сейчас ему хотелось спокойно посмотреть телик, он собрался уже закрыть ларек, но старичок бойко поинтересовался:

– А еще кто имеется? С другим ассортиментом.

– Вечером мы монополисты, – усмехнулся Генка, – раньше супермаркет работал, у метро, но теперь он лишь днем открыт.

И тут дедуся, сунув в окошко симпатичную купюру, сказал:

– Сделай одолжение, помоги.

– Чего надо? – насторожился продавец.

– Год назад я женился, – пояснил старикан, – взял неизбалованную, молодую, из деревни, думал, она лучше москвичек, хозяйственная, аккуратная...

– Гулящая попалась? – предположил Гена. – Налево ходит?

– Это ей незачем с таким мужем, как я, – гордо пояснил дедок, – в другом дело. Она, понимаешь, из нищих, в сапогах до тридцати лет ходила, слаще морковки конфет не ела. Что там у них на селе из угощений! Картошка да огурцы. В общем, вывез супругу в Москву, а она жрать начала, остановиться не может. Разнесло ее, словно квашню, пухнет, как на дрожжах, боюсь, не прокормлю обжору, прямо страшно спать вместе ложиться, еще задавит...

Гена захихикал, а дедуся грустно продолжил:

– Смешно тебе, а у меня проблема! Лучше посодействуй.

– Да как?

– Денег я тебе дал, знаешь, за что?

– Не-а.

– Моей мымре продукты не продавай. Ни под каким видом!

– Ладно, – кивнул Гена, – только я незнаком с ней.

– Ну, во-первых, она поздно притопает, тетеха, – забурчал дед, – всем спать, ей жрать, начнет сладкое просить, или лапшу, суп в стакане, в общем, дрянь всякую, а во-вторых, вот фото, погляди, сынок, второй такой красоты не встретишь.

У меня пропал дар речи. Поверьте, я женщина интеллигентная, бывшая учительница-филолог, и никогда, даже мысленно, не употребляю бранных, нецензурных слов. Но сейчас в уме складывались фразы, которые невозможно произнести вслух, если вы, конечно, не пьяный мужик на зимней рыбалке. И потом, когда Гри успел меня сфотографировать?

– Вы время зря не теряйте, – сдавленным от смеха голосом протянул Гена, – к Славке не бегайте, его ваш супруг тоже предупредил. Веще-то правильно сделал, разжираться не след. Да и все эти лапши с супами не слишком полезная для здоровья вещь.

Испытывая огромное желание стукнуть кулаком по носу парня и понимая теперь, что передних зубов он лишился из-за собственного дурного характера, я пошла назад к подъезду. По дороге меня охватили бурные эмоции, очень захотелось укусить Гри.

Чуть не плача от голода, я еще раз обыскала кухню, но обнаружила лишь полупустую баночку горчицы. В принципе очень неплохая приправа, она великолепно идет с сосисками, мясом, колбасой, можно положить капельку в суп, в окрошку, например, получится вкуснее некуда. Впрочем, легко обойтись без особых изысков, просто намазать ею кусок черного хлеба...

Рот наполнился слюной, я постаралась вытеснить из головы ненужные кулинарные рецепты. Ладно, сейчас помоюсь, попробую уснуть, а завтра с утра куплю у метро шаурму, две, нет, три, четыре, пять порций.

Стиснув зубы, я отправилась под душ, с наслаждением плескалась в воде почти полчаса, потом натянула халат и, не завязывая его, босиком потопала по коридору.

Попробую хлебнуть горячего чая, может, лев, терзающий сейчас мой желудок, подавится кипятком?

Зевая, я вошла на кухню и взвизгнула – около подоконника стоял Аристарх.

– Если решила меня соблазнить, то зря стараешься, – криво усмехнулся он.

Я мгновенно завернулась в халат и с достоинством произнесла:

– И в мыслях ничего такого не имела!

– Тогда почему явилась сюда полуголой? – нагло продолжал парень.

– Думала, нахожусь дома одна.

– Дома? Ты чего? Здесь живешь?

– Разве дедушка вам не сказал?

– Нет, – пожал хорошо накачанными плечами Аристарх, – вообще сдурел старикашка, всякую дрянь в квартиру тащит, зимой кошку приволок, теперь тебя! Никакого покоя нет! И долго тут жить станешь?

Я открыла было рот, но в этот момент раздался звонок в дверь.

– Во, – подскочил Аристарх, – еще невеста кто претя, иди открой.

– Я?

– Ну не я же?

Отчего-то последний аргумент меня убедил, я покорно понеслась по коридору к входной двери.

– Кто там? – решила я проявить бдительность.

– Открывай, свои, – долетел с лестницы нежный девичий голосок.

Я распахнула дверь и увидела на пороге прелестную девушку: хрупкую, маленького роста, одетую в розовый джинсовый костюм со стразами, настоящую Дюймовочку. Сходство с очаровательным сказочным персонажем придавали ей белокурые, закрученные спиралью волосы, огромные голубые глаза и пухлогубый рот, изогнутый, словно лук Амура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.